

КАК СОЗДАВАЛАСЬ ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ РОМАНА «ВОЙНА И МИР»

Статья Э. Е. ЗАЙДЕНШУР

Настоящая публикация представляет собой почти полностью сохранившуюся раннюю редакцию «Войны и мира». Публикуемый текст с достаточной полнотой и ясностью раскрывает процесс творческой работы Толстого над романом на ее первоначальной стадии.

Много отрывков из черновых рукописей, относящихся к ранней редакции, опубликовано в томах 13 и 14 полного собрания сочинений (юбилейного). В предисловии к тому 13 указано, что в рукописях «Войны и мира» нет полных ранних редакций романа в целом и даже отдельных его частей (т. 13, с. 5). Следствием такого неверного вывода был метод издания отдельных разрозненных отрывков, причем отбирались главным образом те из них, которые наиболее отличаются от текста законченного произведения, и располагались в указанных томах «по ходу романа» (т. 13, с. 6). Однако композиция законченного произведения далеко не всегда совпадает с композицией ранней редакции. Несмотря на большой объем опубликованного материала, эти разрозненные отрывки не дают представления ни о ходе творческой работы автора, ни о содержании ранней законченной редакции в целом. Для изучения творческой истории произведения в равной мере важно определить как ее отличия от законченного текста, так и совпадения текстов.

Никакие исследовательские статьи не могут опровергнуть установившееся мнение о первом периоде работы Толстого над «Войной и миром». Только публикация полной законченной ранней редакции, над которой Толстой работал три года, неопровержимо доказывает, что не «семейная хроника» двух дворянских родов была задумана Толстым, а «история из 12-го года» (так определил сам Толстой свой замысел в 1863 г., то есть в первый год работы); что исторические события и исторические деятели введены в первые же наброски; что произведение в его ранней редакции не было «хроникой дворянской жизни», не отзывалось «диккенсовским настроением». Закончив раннюю редакцию, в которой идейная направленность и позиции автора были уже ясно выражены, Толстой дал ей бессмертное заглавие: «Война и мир». И только сам Толстой (иначе говоря, полный текст первой законченной редакции романа) может разрушить почти целый век существовавшую легенду о его замысле.

Путь от замысла к воплощению был длинный и нелегкий, но это не был скачок от семейной хроники дворянской жизни к народной эпопее. Начав писать «книгу о прошедшем», Толстой убедился, что это «прошедшее» не только не неизвестно, но что оно известно и описано совершенно «навыорот» тому, что было в действительности. И «невольно» он «почувствовал необходимость доказывать» то, что говорил, и «высказывать те взгляды», на основании которых писал (т. 15, с. 241). Процесс создания задуманной книги о прошедшем Толстой впоследствии определил как семь лет, в продолжение которых он работал «с мучительным и радостным упорством и волнением», «шаг за шагом открывая» то, что он считал истиной (т. 15, с. 242).

В первый же год работы, то есть в процессе поисков начала, замысел только «истории из 12-го года» изменился: начало действия отодвинулось к 1805 г., и в продолжение последующей семилетней работы замысел перерастал в историческую эпопею, охватившую пятнадцать лет жизни России: 1805—1820. С самого начала это произведение было современным

Н. И. ТОЛСТОЙ, ОТЕЦ ТОЛСТОГО
 Портрет работы худ. К. В. Барду.
 Пастель. Казань.
 1815—1820 гг. (?)
 Музей-усадьба «Ясная Поляна»

по остроте поставленных в нем проблем. Именно в 60-е годы, когда вопрос о роли народных масс в истории встал с особой остротой, мог возникнуть замысел произведения о *прошлом* России, но политически злободневного, поскольку в нем раскрывалась роль народа как творца национальной истории и роль личности в историческом процессе. Толстой по-своему поставил эти вопросы и, вступив в конфликт с официальными историками, по-своему ответил на них.

Предвидя, что те, для кого главный интерес в его книге — исторический, будут недовольны тем, что он уничтожает «признанные славы» (т. 15, с. 241), Толстой отметил в одном из позднейших конспектов: «Упрек, что не подходит под известное. Если бы оно подходило в 1868 году под то, что писано в 30, я бы не печатал» (т. 15, с. 240).

Семь лет работы над «Войной и миром» четко разделяются на три периода: 1) поиски начала (февраль 1863 — первые месяцы 1864 г.); 2) создание первой полной редакции (1864 — начало

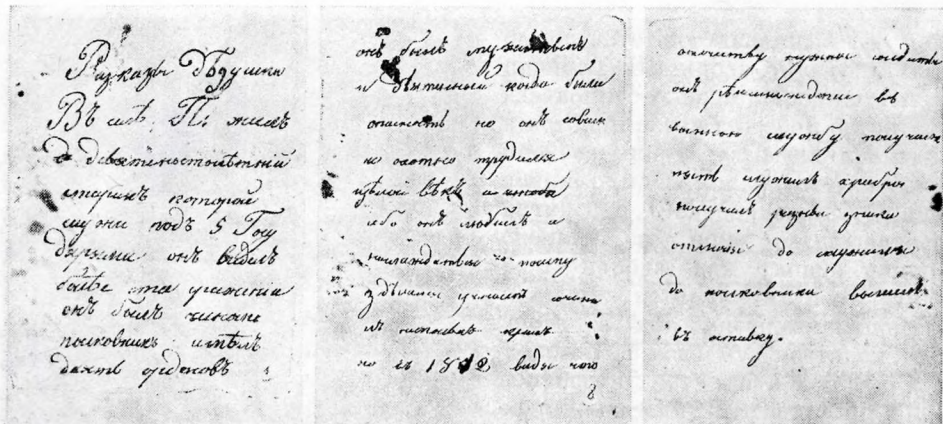
1867 г.); 3) путь от ранней редакции к завершённому тексту (1867 — декабрь 1869 г.).

Первому периоду — поискам начала — посвящена публикация всех сохранившихся 15-ти его вариантов¹. Настоящая публикация — ее непосредственное продолжение².

Поиски начала, направленные к тому, чтобы дать историческую экспозицию произведения, мотивированы настойчивой потребностью сразу ввести в круг исторических проблем.

Толстой сказал однажды, что в молодости он чувствовал в себе «инстинкт 1812 года»³. В детстве он, несомненно, слышал рассказы о наполеоновских войнах и о войне 1812 года, участником которой был его отец. Быть может, отзвуки этих рассказов проявились в детском сочинении «Рассказы дедушки», написанном, вероятно, не позднее 1837 г. Это был первый незавершенный замысел восьмилетнего Толстого. Сочинение начинается с рассказа о «девяностолетнем» старике, который «служил под 5 государями он видел более ста сражений он был чином полковник имел десять орденов которые он купил своею кровью ибо у него было десять ран он ходил на костылях ибо у него не было ноги, лице 3 рубцами на лбу середний палец лежал под Браиловым». Затем описано «его семейство», которое «состояло из 82 человек из которых старшему было 60 лет». Следующая глава названа «Его сын». Сообщается, что звали сына Николай Дмитрич, что «он был заслуженный моряк, с которым случилось много происшествий», и «дети любили слушать его рассказы».

Далее маленький автор намеревался описать «жизнь и характер некоторых из лиц, которые тут» и начинал с характеристики этого Николая Дмитрича: «он был везде с отцом но не находил удовольствием он не любил

СТРАНИЦЫ ДЕТСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТОЛСТОГО «РАССКАЗЫ ДЕДУШКИ»
(1837—1838 гг.)

Автограф

мере сказанное относится и к автобиографическому произведению «Отрочество», где также присутствуют эти отзвуки. Карл Иванович рассказывает Николеньке о своем участии в наполеоновских войнах 1805 и 1809 гг.: «Тогда было страшное время, Николенька <...> Тогда был Наполеон <...> Я был под Ульм, я был под Аустерлиц, я был под Ваграм» (т. 2, с. 27). В черновом варианте этой девятой главы Толстой пишет еще, что в рассказе Карла Иваныча о войне Николеньку особенно живо поразило и внушило «страшное отвращение к жестокому Наполеону за его несправедливое обращение с немцами вообще и с Карлом Иванычем в особенности» (т. 2, с. 267).

Работа над «Отрочеством» почти совпала с тем временем, когда Толстой увлеченно читал и делал выписки из исторических сочинений⁷; в их числе были книги о наполеоновских войнах, которые наталкивали на определенные размышления, что отразилось в известных дневниковых записях о том, что «есть мало эпох в истории столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных — обсужденных беспристрастно и верно» (т. 46, с. 141—142); что «каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений» (т. 46, с. 212).

Раздумья Толстого о наполеоновских войнах содержатся и в рассказе «Набег» (т. 3), и в педагогических статьях (т. 8, с. 92 и сл.). Незадолго до замысла «истории из 12-го года» Толстому довелось рассказывать о ней на уроке в Яснополянской школе. Он «начал с Александра I, рассказал о Французской революции, об успехах Наполеона, о завладении им властью и о войне, окончившейся Тильзитским миром». Затем рассказ перешел к Отечественной войне и был доведен до вступления русских в Париж. Хотя Толстой считал, что рассказ он вел «в почти сказочном тоне, большей частью исторически неверно», что это была только сказка, «возбуждающая народное чувство», но и к этой «сказке» он мог бы взять эпиграф: «Ничего не утаю» (т. 46, с. 212). Толстой не утаивал того, что огорчало его маленьких слушателей, говорил не только о победах, но и о неудачах. Его повествование не было бесстрастным изложением исторических событий, — это был художественный рассказ, и учитель заражал своим чувством учеников.

Когда «не покорился» Александр, то есть объявил войну, все маленькие слушатели выразили одобрение; когда Наполеон с двенадцатью языками пошел на нас, взбунтовал немцев, Польшу, они замерли от волнения. Отступление наших войск воспринималось детьми с большим огорчением. «Как пришел Наполеон в Москву и ждал ключей и покло-

1862 г.
Сам себя снял

Г. Л. Н.
Толстой

фотограф Ясной Поляны

ТОЛСТОЙ

Фотография. 1862 г.

На паспарту надпись С. А. Толстой: «1862. Сам себя снял. Гр. Л. Н. Толстой.
Фотография Ясной Поляны»

нов, — все захохотало от сознания непокоримости». «Когда слушали, как Кутузов „погнал“ врага за пределы родины и „пошел бить“ его, „вся комната застонала от гордого восторга“. Потом все гордились, как „мы погнали француза“, потом „немножко пожалели даже мерзлых французов“. Закончился рассказ тем, как „проводили Наполеона до Парижа, посадили настоящего короля, торжествовали, пировали“». Упоминание о Крымской войне испортило, по словам Толстого, всё дело, однако оно не ослабило «сознания непокоримости». «Попался бы нам теперь Шевардинский редут или Малахов курган, мы бы его отбили», — так закончил Толстой (т. 8, с. 101—103).

В том же 1862 г., в 50-летие Отечественной войны, в кабинете Толстого в Ясной Поляне состоялся домашний спектакль. Исполнителями были те же ученики. «Одни из нас были наряжены русскими солдатами, а другие французскими,— вспоминали дети.— Из сахарной бумаги сделали мы себе кивера и кепки. За дверьми палили из настоящих ружей, а на виду мы стояли друг против друга и наставляли палками. Французы падали, а русские кричали: „Ура-а-а!“»

Вскоре все творческие силы Толстого были отданы задуманной «книге о прошедшем». 5 января 1863 г. С. А. Толстая сообщила сестре: «Лева начал новый роман». Но лишь к концу этого года Толстой с трудом нашел удовлетворившее его начало — это был 15-й вариант: придворный Петербург перед началом войны 1805 года, вечер у фрейлины Annette D., будущей Анны Павловны Шерер. Вначале Толстой писал небольшими частями, отдавал их в переписку, затем, исправив копию ранее написанного, продолжал постепенно двигаться всё дальше и дальше.

Первая рукопись, с которой началась планомерная работа над произведением, содержит лишь начало беседы Annette D. с приехавшим к ней на званый вечер князем Василием (т. 13, с. 198—201).

При исправлении копии этого отрывка на полях первого листа появились конспективные записи, из которых мы узнаем, что ближайшее продолжение уже стало ясным для автора. Самые злободневные политические вопросы будут предметом бесед собравшегося общества — в их спорах раскроется время начала действия: лето 1805 года. «NB Вечер во всем разгаре. Разговоры с разных сторон. С одной — о идеалистическом направлении двора нашего и антагонизме императрицы-матери и Александра. С другой — рассказ о Енгиенском. С третьей — о дворе и интригах. Всё размерено». Так намечены темы бесед на вечере у фрейлины. Затем следует схема дальнейшего развития произведения:

«Обзор политических событий и переговоры.

Нота 28 августа.

Новосильцев в Париже.

Ругают Австрию.

Благодеяния государя.

Тайная коалиция, войска».

Далее, очевидно себе для памяти, Толстой записал: «(уже в Петербурге. В Петербурге в [августе] июле. В Москве в сентябре. А. М. переменить)»⁸. Намеченные Толстым даты дошли неизменными до завершённого текста. В первых девяти главах действие происходит в Петербурге в июле; в следующих (главы X—XXIV) — в Москве в последних числах августа. На полях второго листа этой рукописи еще одна запись: конспект беседы фрейлины с первым гостем, князем Василием. «Винценгероде в Австрии. Не так делается его дипломатия. Зачем переговоры? Затем, чтобы потом задавить его. Пруссия будет видеть. Австрия подмечает. На Англию надежды нет. „J'ai vu Novosilzoff“⁹. Они не понимают самоотверженности государя, но добродетель должна быть награждена». Беседой двух представителей петербургской знати, судящих со своей точки зрения о злободневных политических вопросах, открывается действие. (В продолжение всей последующей работы появлявшиеся на полях многочисленных пометы, часто служившие эскизами созданных позднее художественных картин, дают возможность следить за мыслью автора.)

Исправив копию, Толстой стал писать дальше, и законченная на этот раз рукопись (13 листов) содержала почти полный текст первой главы; на этом этапе он уже не только по содержанию, но местами почти дословно близок к тексту, опубликованному в «Русском вестнике».

Во время поисков начала постепенно рождались образы главных персонажей, какими они должны появиться в начале произведения: все важнейшие персонажи с самого начала формировались как исторические фигуры в составе исторического повествования. Найдя (это было в 13-м

КОМНАТА ПОД СВОДАМИ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Рисунок И. Я. Гинцбурга. Тушь. Перо. 1891 г.

В 60-е годы в этой комнате был кабинет Толстого, где он писал «Войну и мир»

варианте начала) благоприятную среду, в которой стало возможно сразу начать действие, автор смело вводил этих людей в придворный салон, а затем в московский дом Ростовых, в дом старого графа Безухова и, наконец, в имение князя Николая Андреевича Болконского Лысые Горы.

Князь Василий уже был представлен в предшествующем варианте, и характер его предстояло лишь развивать. Образ фрейлины Толстой начинает искать. Почти ничего не сказано об ее внешности. Прежде всего становится известно о ней то, что она была «одним из самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марии Федоровны», то есть представительницей людей, которые от долгого пребывания при дворе «делаются нравственными кастратами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают всё дурное придворной жизни — зависть, интриги, страсть к повышению». Она была, продолжает Толстой, «верным слугою, как старая собака, старый дворовый, не признающие другой жизни, как жизнь при господине или госпоже»; эта преданная фрейлина «думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница» императрица Мария Федоровна, и высказывала те же мнения.

Познакомив читателя с хозяйкой салона, Толстой намечает план всего вечера: «Как держать дом? Княгиня Болконская брюхатая с работой. Ее муж недовольно смотрит на нее. Княгиня хлопочет о сыне. Mortemart. Как подать на блюде литератора. Рассказ о Енгенском. Некоторые молчат и exclament»¹⁰. Пользуясь найденными в первоначальных набросках чертами, Толстой без колебаний и новых поисков вводит в салон фрейлины знакомых ему людей: князя Андрея с женой, Пьера, Элен и Ипполита Курагиных. Князь Андрей «вошел с женой под руку с приемами человека, которому, несмотря на его молодость и неважный чин (он был в мундире гвардейского адъютанта), скорее будет скучно, чем весело, и который надеется встретить в этом обществе скорее низших, чем высших». Образ маленькой княгини сразу создан таким, каким и сохранился в романе. Княгиня производила на всех, кто ее видел самое радостное

впечатление, и только на князя Андрея вид ее оказывал «совершенно противоположное действие». Появляется Пьер. Он изображен в том необычном для светской гостининой виде и в той роли, какие закрепились за ним в ранних набросках начала. «Все слушали с вниманием и уважением» рассказ виконта, и только один «очень молодой человек с большой вытянутой взад головой, застенчивый и рассеянный, видимо, не обращал никакого внимания на рассказ и рассказчика. Он вертелся на своем стуле».

Толстой намеревался было познакомить читателя со всеми гостями и прямо говорил: «Прежде чем передать историю виконта, весьма распространенную впоследствии, я должен описать некоторых из слушателей его, тем более, что эти некоторые, кроме того, что замечательны сами по себе, не раз встретятся читателю в продолжении этой истории». Однако изолированное описание действующих лиц противоречило художественным принципам Толстого: незадолго до начала работы над романом он осудил эту принятую в литературе и ставшую «невозможной» манеру описаний, «логично расположенных: сначала описания действующих лиц, даже их биографии, потом описание местности и среды, и потом уже начинается действие. И странное дело,— все эти описания, иногда на десятках страниц, меньше знакомят читателя с лицами, чем небрежно брошенная художественная черта во время уже начатого действия между вовсе неописанными лицами» (т. 8, с. 312).

Толстой избрал иной путь. Зачеркнув обещание «описать некоторых из слушателей», он на полях делает помету для себя: «Кто слушает и как» — и рисует выразительными штрихами образы гостей. Облик дочери князя Василия — в этом варианте она фигурирует под именем княжны Sophie, и впечатление, производимое ею на всех, почти полностью совпадает с тем, что известно по печатному тексту. Образ брата ее, Ипполита, также близок к окончательному, но в этой редакции больше подробностей, подчеркивающих отрицательный характер персонажа (во всем — во внешности, в манерах, в костюме).

Не преминул Толстой и напомнить, что «только такие дамы высшего общества, как Annette D.», умеют в лучшем виде «сервировать замечательных гостей», она сумела подать своим гостям виконта «как что-то сверхъестественно утонченное». Так же беспощадно автор иронизирует и над «изящным» рассказом виконта об убийстве герцога Енгиенского, и над «красивым кружком» слушателей.

«Различные реплики, которыми слушатели перебивали рассказ виконта, свидетельствовали об единодушном мнении всех о Наполеоне», которого, как и полагалось в этот период, «никто из присутствующих не только не признавал <...> императором, никто не признавал его даже человеком. В глазах vicomte'a и его слушателей это был какой-то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кромвель, до сих пор ускользавший от заслуженной петли».

На фоне «единодушного мнения всех» звучат, как уже установилось в процессе поисков начала, неким взрывом суждения Пьера и согласного с ним князя Андрея. Оба они, как всё наиболее прогрессивное дворянство, признавали Наполеона в первые годы его деятельности великим полководцем и носителем идей революции. Вокруг Наполеона начался спор, затеянный Пьером. Он доказывал, что «революция была великое дело» и что Наполеон — «представитель великих идей». Никто из гостей «не одушевился» речами Пьера, а хозяйка салона не могла себе простить, что пригласила этого юношу, не зная, что «он такой mal élevé¹¹» и «бонапартист». Только князь Андрей любовался им и поддерживал этого молодого человека, который «огрызнулся на всех», доказывая, что Наполеон «желает мира и равенства».

С князем Андреем и Пьером единодушен и автор, который добавил, что этот молодой человек был «хуже» чем бонапартист, — «он был якобы-

нец». И, улучив момент, когда разговор в гостиной «рассыпался на мелкий говор изящных проклятий и ругательств на бедного Наполеона», Толстой вставил ироническую реплику: «Плохо стало бедному Наполеону. И хорошо, что он не слышал этих разговоров. Он, впрочем, не любил таких разговоров. И часто за такие переданные ему разговоры во Франции так наказывал маркизов и виконтов, дюшес и графинь, что они вперед уже этого не делали, молчали. Тех же маркизов и виконтов, которые вели себя хорошо и не рассказывали таких историй, он награждал званиями камергеров, камер-фрейлин и т. д. при своем дворе. И таких ведущих себя очень хорошо было очень много <...> все так охотно пошли в придворную службу и прекратили рассказывать истории, что Бонапарт откровенно выразился, вспоминая свой призыв к дворянству Франции во время Египетской кампании и их отказ, что *quand je leur ai montré la chemin de la gloire ils n'en ont pas voulu. J'ai ouvert mes antichambres, ils se sont précipités en foule*»¹². «Так что,— заключил Толстой,— в то время как у Annette D. его так бранили, он жил спокойно в Лувре, считая себя самым лучшим человеком Франции и законнейшим наследником Карла Великого».

Закончилась рукопись эскизным наброском дальнейшего текста: наметены сцена разъезда гостей, поведение Ипполита Курагина, провожавшего к коляске маленькую княгиню, и презрение князя Андрея к нему, затем приезда Пьера к Болконским, беседа его с князем Андреем и далее — вплоть до оргии у Анатоля Курагина с участием Пьера.

«Анатоль гадость для гадости. Он, как красивая кукла, ничего нет в глазах» — такой характеристикой Анатоля закончилась эта рукопись.

Правя копию ее, Толстой главным образом задержался на характерах Пьера и Андрея. То, что они оба выделялись из светского общества, было уже ясно показано, но надо было раскрыть и своеобразие каждого из них. Князь Андрей был «высокомерен в приемах, но вместе с тем утонченно учтив, отчего высокомерие его еще более было заметно», он мог «учтиво» выслушивать мнения, не совпадающие с его взглядами. Пьер так вести себя не мог, он был «вполне неприличен и резко отличался от всех бывших в гостиной». Особенно испугало хозяйку, когда Пьер «быстро и горячо» стал говорить о Наполеоне как о «величайшем человеке мира», причем испуг происходил, как разъяснил автор, «не столько от слов, произнесенных молодым человеком, сколько от того одушевления, негостинного и совершенно неприличного», которое выражалось в чертах юноши. Спор Пьера с виконтом завершен авторской репликой: «В таком роде говорил много и долго Ригге точно так, как думали тогда многие образованные молодые люди. Странно было только то, что говорил он всё это в таком обществе. Никто не слушал его с удовольствием». Только князь Андрей «с ласковой и вместе насмешливой улыбкой посматривал то на него, то на хозяйку вечера».

Дальнейший ход повествования, видимо, был настолько продуман, что Толстой создал на этом этапе большую рукопись, содержащую сцены в доме князя Андрея после вечера у фрейлины, беседу Пьера с Андреем, раскрывающую характеры двух друзей, их сходство и различия; кутеж у Анатоля Курагина, куда, нарушив обещание, данное князю Андрею, приехал Пьер; пари Долохова с англичанином — то есть весь текст, опубликованный в «Русском вестнике» под заглавием: «В Петербурге».

Беседы в придворном салоне дали представление о времени действия, о назревавшей войне; достаточно громко звучит голос автора. Действие переносится в Москву¹³.

Три персонажа из Петербурга появились теперь в Москве, связав таким образом два изображаемых круга: Анна Михайловна Друбецкая, добившись в Петербурге через князя Василия перевода сына в гвардию, вернулась в Москву, к Ростовым, у которых воспитывался ее сын; в Москве же она рассчитывала получить часть наследства графа Безухо-

ва, крестного отца ее сына. Князь Василий тоже приехал с надеждой получить наследство старого графа. Третий персонаж — Пьер, который появляется и у Ростовых, и в доме умирающего отца. Для раздела «В Москве» Толстой использовал шестой вариант начала, озаглавленный «День в Москве».

Добрые, не светские Ростовы были ясны и душевно близки Толстому, и изображение их не потребовало больших поисков и переработок. Во многом решены были и сцены в доме умирающего графа Безухова. Характеры князя Василия и княгини Друбецкой остались неизменными, тем не менее сцены в доме графа Безухова потребовали серьезного труда. Всего более автор заботился о психологически правильном поведении Пьера; восприятие им поступков князя Василия и Анны Михайловны дополняло и его характеристику, а также характеристику этих персонажей. Центральный эпизод — борьба за «мозаиковый портфель» с завещанием. Наблюдая за ее участниками, Пьер «ужаснулся», увидев лицо князя Василия. Он «молча смотрел на борьбу за портфель и не узнавал ни князя Василия, ни Анны Михайловны, которая, как наседка, окрысившись, тянула портфель».

Смертью графа Безухова завершился раздел «В Москве». Пишется следующий — «В деревне».

Эту жизнь Болконских в имении Лысые Горы осенью 1805 г. Заготовки для этого раздела имелись во втором варианте начала, озаглавленном «Три поры». Без особых поисков и усилий (об этом позволяет судить даже внешний вид рукописи) создан был рассказ о Болконских. Для характеристики старого князя, княжны Марьи, ее компаньонки и всего уклада жизни Болконских Толстой воспользовался текстом, написанным в самом начале работы, внеся изменения, связанные с переменой времени начала действия, — не август 1811 г., как это было первоначально в варианте «Три поры», а осень 1805 г. Заканчивается этот раздел сценой прощания князя Андрея с родными перед отъездом в армию. В волнующем напутствии отца сыну выказались характеры обоих. «Помни одно: коли тебя убьют, где следует, хоть и с Бонапарте теперь деретесь, а и его пушки бьют, — коли убьют, скучно мне будет старику, скучно. Очень скучно. — Он неожиданно замолчал. И вдруг крикливым голосом продолжал: — А коли узнаю, что князь Андрей Болконский хуже других, мне будет стыдно. А мне до семьдесят второго года стыдно не бывало. Это помни». Сын ответил: «Вам не будет стыдно». Отъездом князя Андрея на войну закончилась первая часть.

Создано композиционно стройное повествование. Действие происходит в Петербурге, Москве и Лысых Горах в июле — сентябре 1805 г.

16 сентября 1864 г. Толстой записал в дневнике: «Скоро год, как я не писал в эту книгу. И год хороший <...> Я начал с тех пор роман, написал листов 10 печатных, но теперь нахожусь в периоде исправления и переделывания. — Мучительно». В тот же день вторая запись: «К роману: 1) любит мучать того, кого любит, всё теребит. 2) Отец с сыном ненавидят друг друга. В глазах неловко» (т. 48, с. 58). Эти записи позволяют безошибочно определить, что к 16 сентября 1864 г. работа шла над текстом о жизни Болконских в Лысых Горах; к ним и относилась запись: «К роману».

Слустья десять дней, 26 сентября, Толстой, упав с лошади, вывихнул правую руку. Тульские врачи неудачно вправили ее, и хотя боль не утихала, Толстой продолжал работать. «Лева роман свой нынче очень нишет», — сообщала сестре С. А. Толстая 1 октября (т. 61, с. 58). По свидетельству самого Толстого, он в эту пору не мог подолгу писать больной рукой. Лишь в конце месяца Толстой сообщил М. Н. Каткову: «После 5 недель нынче в первый раз пишу так длинно своей рукой» (т. 61, с. 58). Оба документа дают основание для точной датировки написанного во второй половине сентября и в октябре.

О судьбах России не знаю ни слова. Только полагаю, что вы близки к тому и
всему. Справедливо и всем известно — только и разбудить и жить так, как вы
предлагаете думать вы не можете, а вы и сами и мысленно и духовно. Прислушайтесь
к словам одним французом, говоря о войне России и Франции, и именно об
патриотическом духе, как вы, сам и вы не можете и не можете.
Стало — Завоевать вы не можете, потому что вы, только и не можете вы
думать, а потому и не можете. Если вы не можете думать, то вы не можете
думать и не можете думать. Но вы не можете думать, потому что вы не можете
думать, а вы не можете думать. Как вы не можете думать? Вы не можете
думать, а вы не можете думать, а вы не можете думать и не можете.
Вы не можете думать, потому что вы не можете думать, потому что вы не можете
думать, а вы не можете думать. Как вы не можете думать? Вы не можете
думать, а вы не можете думать, а вы не можете думать и не можете.
Вы не можете думать, потому что вы не можете думать, потому что вы не можете
думать, а вы не можете думать. Как вы не можете думать? Вы не можете
думать, а вы не можете думать, а вы не можете думать и не можете.
Вы не можете думать, потому что вы не можете думать, потому что вы не можете
думать, а вы не можете думать. Как вы не можете думать? Вы не можете
думать, а вы не можете думать, а вы не можете думать и не можете.
Вы не можете думать, потому что вы не можете думать, потому что вы не можете
думать, а вы не можете думать. Как вы не можете думать? Вы не можете
думать, а вы не можете думать, а вы не можете думать и не можете.

СТРАНИЦА ПИСЬМА С. А. ТОЛСТОЙ К ТОЛСТОМУ
ОТ 25 НОЯБРЯ (1864 ГОДА)

Всё написанное с первых дней начала работы до этого времени — автограф, а с окончанием первой части в рукописи, писавшейся во второй половине сентября, автограф перемежается с текстом, написанным рукой В. В. Толстой, очевидно, под диктовку, причем рукой Толстого написаны небольшие отрывки, иногда на полуфразе сменяющиеся текстом, написанным рукой В. В. Толстой. Стало быть, эта рукопись (в ней 8 листов) создавалась после 26 сентября.

Закончив первую часть отъездом князя Андрея из Лысых Гор в армию, Толстой перешел в конце сентября или в первых числах октября к следующей части (на данном этапе второй) — к теме войны. Создавалась новая рукопись, содержание которой Толстой позднее определил: «От Аустерлица до Тильзита».

Не зная рукописей, невозможно представить себе, как уже на раннем этапе четко складывалась стройная композиция, которая в основных чертах сохранялась неизменной до завершения этого огромного произведения.

«В Петербурге», «В Москве», «В деревне» — так озаглавлены группы глав первой части при первой публикации их в журнале¹⁴. Действие подведено к начавшейся войне, тема которой пронизывает всё повествование первой части.

По первоначальному замыслу война 1805 года должна была быть представлена только Аустерлицким сражением, с которого Толстой и намеревался начать произведение¹⁵. Тем самым осуществлялось бы высказанное Толстым намерение, прежде чем писать о «торжестве России в борьбе с бонапартовской Францией» (т. 13, с. 54), показать, как сущность характера русского народа и войска выразилась и в «эпоху неудач и поражений» (т. 13, с. 64), то есть при Аустерлице.

Соблюдая утвердившийся с начала работы композиционный прием непрерывности действия в описании жизни каждого круга общества и в рассказе о каждом из ведущих героев, Толстой в начале новой части в какой-то мере повторил сказанное в первой части. Кратко рассказал о жизни Пьера в Петербурге, о перемене взгляда общества на него, теперь богатого наследника; о князе Василии, занятом двумя важными делами, целью которых было: 1) женить Пьера на своей дочери, с тем чтобы не совсем ушло от него богатство, и 2) попытаться женить беспутного Анатоля на «дурнушке» богатой княжне Марье, для чего он приезжает в Лысье Горы, куда и переносится действие. Толстой стремится углубить психологическую тему: с одной стороны, «мучительные вопросы и сомнения», возникшие в душе княжны Марьи, ее мечты «о семейном счастье», «о детях»; и «бездна рассуждений» старого князя о том, «решится ли он когда-либо, для того чтобы княжна Марья могла испытать счастье семейной жизни, расстаться с нею и отдать ее мужу». С другой стороны — порочность Анатоля, который смотрел на жизнь как на «постоянную *partie de plaisir*»¹⁶, и столь же легкое, как у сына, отношение князя Василия к серьезному делу женитьбы.

Получение Ростовыми письма от Николая с сообщением об его участии в Шенграбенском деле перенесло действие в Москву, в семью Ростовых. И только после этого повествование подошло непосредственно к военным событиям, к 12 ноября 1805 г., когда «кутузовская боевая армия», в которой находился князь Андрей, «стоявшая лагерем около Ольмюца», готовилась к смотру двумя императорами — русским и австрийским.

В цитированном выше октябрьском письме М. Н. Каткову Толстой писал, что находится «в раздумьи, где и как печатать» первую часть «романа из времен первых войн Александра с Наполеоном», и выражал желание публиковать ее в «Русском вестнике».

21 ноября Толстой поехал в Москву для лечения руки. Уезжая, оставил жене рукопись для переписки. Через четыре дня С. А. Толстая писала мужу в Москву: «Как хорошо всё, что ты мне оставил списывать. Как мне нравится вся княжна Марья! Так ее и видишь. И такой славный, симпатичный характер. Я тебе всё буду критиковать. Князь Андрей, по-моему, всё еще не ясен. Не знаешь, что он за человек. Если он умен, то как же он не понимает и не может растолковать себе свои отношения с женой? Старый князь очень тоже хорошо. Но мне первый, которым ты был недоволен, нравился больше¹⁷. Я уж из того составила себе в голове идеал, который не подходит к теперешнему князю. Сцена отъезда князя Андрея — очень хорошо и с образом княжны Марьи — отлично»¹⁸. Переписанную рукопись (это было окончание первой части) Софья Андреевна послала Толстому в Москву 26 ноября¹⁹.

А к этому времени уже заканчивались переговоры с Катковым о печатании, и 27 ноября Толстой отдал в «Русский вестник» привезенную им из Ясной Поляны рукопись, заканчивающуюся смертью графа Безухова. Окончание же первой части, переписанное С. А. Толстой, было лишь теперь прислано из Ясной Поляны, и Толстому предстояло править копию²⁰.

В Москву Толстой привез также начатую новую рукопись и, несмотря на болезнь руки, продолжал писать. «Чувствую себя нынче вообще хорошо. Написал лист недурно», — писал он жене 24 ноября, а на следующий день сообщил, что утром «опять писал охотно» (т. 83, с. 50 и 56).

Нетрудно определить, над чем же шла в это время работа.

28 ноября Толстому сделали операцию под хлороформом: выламывали неправильно сросшуюся кость и затем вновь вправили руку. Больная рука не позволяла писать. «...нынче не писал, хотя Лиза вызывается писать под диктовку», — сообщал Толстой жене на следующий день после операции. С этого времени Толстой продолжал произведение, диктуя Елизавете Андреевне и Татьяне Андреевне Берс, и в письме жене сообщал о работе: «Вчера диктовал Лизе ужасную ерунду» (1 декабря); «Сегодня утром я диктовал немного Тане» (2 декабря); «Нынче поутру около часу диктовал Тане, но нехорошо, спокойно и без волнения, а без волнения наше писательское дело не идет» (6 декабря)²¹; «После обеда продиктовал немножко Лизе военную сцену, хотя и без связи, но недурно» (7 декабря); «Третьего дня и вчера я понемногу писал, диктуя то Тане, то Лизе и чувствуя себя в хорошем духе» (10 декабря).

Сопоставление приведенных документов с сохранившейся большой рукописью дает ясное представление о том, что же создавалось в это время. Начатая в Ясной Поляне рукопись в первоначальном виде (то есть до последовавшей позднее переработки с большими вставками на 33-х отдельных листах) состояла из 250 листов. Первые двенадцать (авторская пагинация 1—12) — автограф. С оборота листа 12, включая первые шесть строк на обороте листа 16, текст рукой С. А. Толстой, очевидно, под диктовку в первые дни после вывиха руки; начиная со строки седьмой текст, написанный рукой С. А. Толстой, сменяется автографом и дальше (листы 16—34), включая рассказ о приезде князя Василия с Анатодем в Лысье Горы, создавался в Ясной Поляне до отъезда Толстого в Москву. На листе 35 первые четыре строки — автограф, а с пятой строки этого листа и до листа 166 — текст, писавшийся под диктовку, начиная со сцены приезда Николая Ростова в Измайловский полк, в гвардейский лагерь, где находились Борис Друбецкий и его ротный командир Берг, вплоть до описания озабоченности графа Ростова устройством обеда в Английском клубе для приема Багратиона. Только последние строки листа 166, начиная со сцены торжественного обеда в Английском клубе, — автограф, а дальше опять идет текст под диктовку, лишь в нескольких местах сменяясь автографом, последние же два листа этой большой по объему рукописи — вновь автограф.

Н. Н. Гусев утверждает, что не известно, какие главы писались под диктовку, так как рукопись не сохранилась, и считает ошибочным мое описание этой рукописи (№ 103), которая, по его мнению, «несомненно

С. А. ТОЛСТАЯ
Фотография. 1863 г.

«по Дульмом» вместо «под Ульмом». Во всех автографах имена Nicolas, Lise во французской транскрипции, и при диктовке Толстой, видимо, так и произносил, а в рукописи появились: Николая, Лиз, вместо Берг — Берк, чего ни разу не встречается в автографе. Вряд ли могли бы появиться подобные ошибки даже при самом невнимательном копировании автографа.

Итак, можно с уверенностью сказать, что в октябре-декабре 1864 г. создана рукопись предполагавшейся второй части, начавшаяся рассказом о изменившемся в светском обществе положении Пьера, ставшего богатым наследником, и доведенная до описания Тильзитского мира. Военная тема начиналась с кануна Аустерлица. Для описания военной обстановки, предшествовавшей Аустерлицкому

сражению, и для картины самого сражения многое уже было найдено автором в процессе создания упомянутого выше седьмого варианта начала. Совпадения этих двух рукописей, в некоторых местах текстуальные, настолько значительны, что невольно возникает мысль: не пользовался ли Толстой при диктовке своей прежней рукописью? Наталкивают на это соображение и авторские пометы на полях вновь создаваемой рукописи: «Толки солдат из старого»; «Строгая нота из старого»; «Разговор с пленными, из старого». Во всяком случае, теперь или же при последующей обработке этой рукописи было использовано первое описание Аустерлицкого сражения. Содержание этого раздела определилось, и композиционное решение было найдено. Известные по завершённому произведению эпизоды входят в раннюю редакцию: Ольмюцкий лагерь, приезд гусара Николая Ростова в лагерь и встреча с гвардейцами Борисом и Бергом, его столкновение с Болконским, затем смотр, стычка при Вишау, военный совет у Кутузова и, наконец, самое сражение. Резче, чем в раннем эскизе, проступает тема обличения иностранного командования: оно заботится лишь о том, чтобы «австрийские начальники не были под командою русских», о том, чтобы «в тяжёлые невидные места» посылать русских, а австрийцев «приберегать для тех мест, где должна была решаться участь сражения», и чтобы «слава завтрашней победы не могла быть отнята самонадеянными русскими варварами». Разумеется, ни в одном из исторических сочинений Толстой не мог найти подобных оценок. Сопоставляя все известные фактические данные, глубоко проникая в суть вещей, художник самостоятельно пришёл к этим исторически верным выводам.

Неизбежно возникает обличительный тон, когда рассказ переходит к «высшим сферам армии», где большинство людей было занято не завтрашним сражением, а «совсем другими интересами» — личными. «Сотни штабных» хлопотали о том, «как бы им завтрашний день находиться в свите императоров»; некоторые добивались этого с мыслью, что «там, где будет император, менее всего опасности, некоторые из того соображения, что при императоре более всего будет награды». Совершенно иное настроение — в армии: всё было «пронизано чувством единства», в душе каждого

Е. А. БЕРГ
Фотография 1860-х годов

Т. А. БЕРС

Фотография. Москва, 1862 г. В конце 1864 г. в Москве Толстой диктовал сестрам Берс продолжение произведения

«билось одно и то же чувство воинской предприимчивости и самоуверенной надежды», и, глядя «на эти громадные массы», стройно двигавшиеся в одном направлении, каждому «становилось самоуверенно и весело на душе, и чувствовалось: что-то предпринимается великое и значительное». Авторское рассуждение не дошло до печати, но выраженная в нем мысль сохранилась.

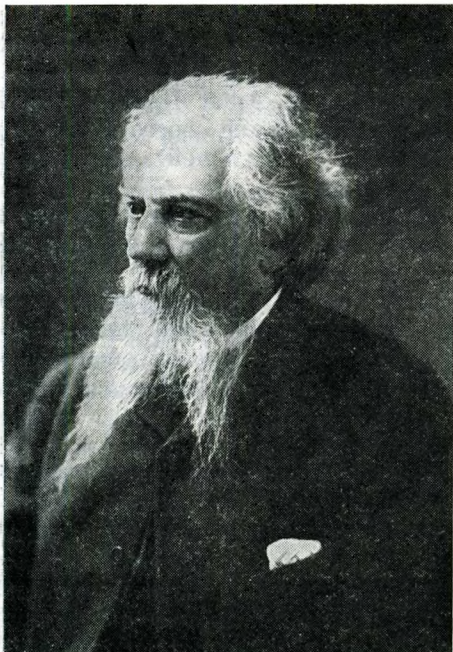
В ранней редакции больше рассказано о тревогах и сомнениях князя Андрея в канун битвы. Ему стало ясно, что «решают сражения» не те приготовления, которые он наблюдал в штабе, а «единство мысли и действия, энергия и воодушевление, единство силы».

Картина самого боя, портреты Наполеона и Кутузова во время боя, поведение князя Андрея и других участников, ранее эскизно намеченные, облекались теперь в высокохудожественную форму. Важно отметить, что по созданному теперь варианту в Аустерлицком сражении участвуют Тимохин (он идет вместе с князем Андреем)

и, главное, Тушин и его батарея, стрелявшая картечью. Князь Андрей — это было перед самым ранением — «издалека с радостью узнал на ней жалкую и милую симпатическую фигуру Тушина, со своей трубочкой ковьяльшего между орудий». Тушин — это было последнее, что видел князь Андрей в момент ранения. Образ Тушина не разработан, но роль его и роль народа в сражении определена. (Надо помнить, что описание Шенграбенского сражения, в котором батарея Тушина займет большое место, еще не было.)

Вслед за сценой ранения князя Андрея следовала не доведенная до завершения произведения глава с разбором плана Аустерлицкого сражения и анализом диспозиции, которые и были, по утверждению Толстого, одной из главных причин поражения. Затем следовал короткий эпизод трагедии на плотине Аугеста, где «выказался» весь «ужас дня». На этом страшном месте появляется Наполеон. «Всё в том же шюртуке, той же шляпе и с тем же безучастным лицом», и с тем же безучастным выражением, с каким он смотрел на живых, он разглядывал «неподвижные и движущиеся тела» на поле сражения. «Господа его свиты, — пишет Толстой, — содрогались, пожимали плечами, перешептывались при виде некоторых страшных изуродованных трупов, но на его лице не выражалось ничего». Так изображен Наполеон в вычеркнутом позднее отрывке. Но настроение, с которым он написан, сохранилось во всех сценах, участником которых был французский император. Неизменным осталось и отношение автора к Кутузову и русской армии, к штабной знати и иностранному командованию.

Всё созданное в процессе поисков начала использовано. Для продолжения произведения заготовок не осталось. Можно предположить, что в это время был намечен достаточно подробный конспект дальнейшего

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

Фотография. Москва, 90-е годы

11 декабря 1864 г. в Москве Толстой читал А. И. Жемчужникову и И. С. Аксакову первые главы романа: «... им обоим, особенно Жемчужникову, чрезвычайно понравилось. Они говорят прелестно. А я и рад и веселей писать дальше» (из письма Толстого жене от 11 декабря 1864 г. — т. 83, с. 93)

И. С. АКСАКОВ

Фотография 1850-х годов

действия, начиная с того момента, когда раненый князь Андрей видит вблизи Наполеона, который представляется ему теперь ничтожным и жалким. С рассказа о душевном состоянии князя Андрея начинается конспект и доводится до окончания произведения, каким оно представлялось Толстому в это время. Вот этот конспект:

«Князь Андрей, раненый, злится, стыдится, не хочет перевязок, везет-ся, слышит разговор Репнина с Бонапартом.

Через 4 недели он был здоров и с одной мыслью не служить, жить с отцом, [зарыться] женой и ребенком, зарыться ехал в деревню. Как всегда после раны, ждал новой жизни».

Первоначально было: «[В Лысые Горы уже приехал] В Лысых Горах ждали акушера, вместо его приехал князь Андрей, за ним акушер. Она умерла. Старик притворился спящим, сын тихо вошел все-таки, сел. Старик дрогнул глазами. Сын — заплакал [и убежал], и они обнялись.

Поедем в Москву и княжна Марья.

Разговор с Pierre'ом. Всё пустяки, всё вздор, кроме дружбы. Любви мне не дал бог. Я был горд. Поедем к Ростовым. Князь Андрей без умиления и улыбки? ²³ не может видеть и слышать голоса Наташи. Борис обижен, но успокаивается. Nicolas с Соней только дружны, но Nicolas помогает разорять именья. Долохов влюблен.

Прошло два года. Тильзит. Эрфурт. Анна Павловна любит Буонапарте. Князь Андрей ожил, едет в Турцию почти женихом Наташи. Берг женится. Старик умирает, дела расстроены. Они живут в бедности. Nicolas привозит Анатоля в деревню. Роман с Анатодем. Nicolas женится на княжне Марье. Роман. Князь Андрей убит. Едет в Турцию перед 9²⁴ годом. Nicolas в связи с Эленой. Pierre пьет».

Далее ряд разрозненных конспективных записей, каждая особо обведена (см. иллюстрацию на с. 28—29), а затем вновь последовательный конспект:

«В 1810. Все в Петербурге. Свадьба Берга. Анна Павловна любит Наполеона. Князь Василий сам себя заглушает, звуки своего голоса. Бал. Князь Андрей едет в Турцию, прощается с Наташей». Она дрожит от страсти, а он холоден. «Дайте мне мужа».

В 12-м году старый князь умирает от злости и волнения. Бредит ругательствами. М-Ше Bourienne уговаривает княжну Марью принять подданство. Княжна Марья в азарте удивляет всех.

После Бородина съезжаются раненые, Андрей, Nicolas, Piere, княжна Марья и Наташа. Bourienne. Княжна Марья не хочет жертвовать.

Конец. Князь Андрей командует полком под Красным, обожаем солдатами. Плачет с Piere'ом. Piere женат на Наташе. Nicolas лежит больной у княжны Марьи».

Дальше разрозненные конспективные записи²⁵.

Следуя намеченному конспекту, Толстой воссоздавал и исторические события, происходившие после окончания первой войны с Наполеоном вплоть до Тильзитского мира и свидания двух императоров, и жизнь своих героев за этот период.

Подробного описания сцены приезда Николая Ростова в отпуск еще не было, но более детально анализировались перемены в характере Николая, происшедшие за время пребывания в армии. Действие начиналось непосредственно хлопотами Ильи Андреича Ростова по устройству обеда в Английском клубе в честь Багратиона. Самая картина приема Багратиона и торжественного обеда написана без колебаний, как что-то хорошо известное и обдуманное.

Много внимания Толстой уделил раскрытию душевного состояния Пьера во время обеда в клубе, особо отметил вызванный разговорами о войне интерес Пьера к стратегии, заменивший его прежнее увлечение политикой. Описаны столкновения Пьера с Долоховым, дуэль, сцена между Пьером и Элен, затем разрыв его с женой и отъезд в Петербург. Более всего задерживал Толстого мятущийся Пьер, который ни в чем не мог найти себе душевной опоры и неожиданно обрел ее в масонстве. В отличие от известной по роману случайной встречи на станции с масоном Баздеевым, в ранней редакции некий старик масон приходит в Петербурге в гостиницу к Пьеру с намерением «обратить» его. Он разъясняет Пьеру его ошибки в личной жизни и вызывает его интерес к сути масонского учения, и «через неделю был назначен прием Безухова в Петербургскую ложу Северного Сияния». Масонский ритуал и зародившиеся в связи с ним сомнения Пьера пока еще не описаны.

Ясно представлялась писателю и жизнь Болконских в Лысых Горах, где после Аустерлица князя Андрея считали погибшим. Хорошо известные по роману сцены — неожиданный приезд князя Андрея в Лысые Горы, роды маленькой княгини и ее смерть — созданы еще в ранней редакции и без существенных изменений внесены в заверченный роман. Рассказ о Болконских закончился не дошедшим до печати кратким обзором военно-политических событий за полтора года, когда кончалась вторая война России с Наполеоном, когда «все сословия России уже не шуга стали ошетиливаться». Хотя князь Андрей «оставался верен своему слову не служить более в русской армии», и он, и отец его, «как ни различны и ни спорны были их взгляды», оба следили «с жадностью» за ходом политических и военных событий.

Иная атмосфера у Ростовых: гостеприимный дом, влюбляющаяся молодежь, предложение Долохова Соне и ее отказ, прощальная пирушка у Долохова и проигрыш Николая Ростова. После уплаты долга Николай уехал в свой полк «тихий, задумчивый и печальный», а старый граф с семьей «переехал в деревню, где его присутствие, как он думал, стано-

вилось необходимо вследствие совершенного расстройтва дел, произведенного преимущественно последним неожиданным долгом в 42 тысячи». Нет пока танцевального вечера у Иогеля, оживленного вечера молодежи в доме Ростовых с участием Денисова, пения Наташи и предложения Денисова. Эти сцены, без которых трудно теперь представить роман, появятся позднее.

По первоначальному замыслу, теперь, в 1806 г., князь Андрей впервые встречается с Наташей. По поручению отца он отправляется к предводителю дворянства графу Ростову (тот не выполнил приказа об отправке ополчения). Так подготовлена нужная Толстому встреча. Но это еще не та памятная всем поэтическая встреча. Князь Андрей увидел Наташу с черными кудрями, в костюме мальчишка (она готовила роль для домашнего спектакля в день рождения отца). Это пока только неясные эскизы того, что искал художник. Но уже запечатлены важные для дальнейшего штрихи: семья Ростовых с первого раза расположила к себе князя Андрея, всё в их доме трогало его и «всё, что он видел, слышал, ярко отпечатывалось в его памяти, как бывает в торжественные и важные минуты в жизни».

Сразу меняется авторский тон, как только повествование переходит к придворному Петербургу. С нескрываемой пронией сопоставлены события, происшедшие между двумя вечерами в салоне фрейлины, и то настроение, которое по-прежнему там царило. «Сотни тысяч людей погибли под Ульмом и Аустерлицем», — пишет Толстой, — Буонапарте был признан императором, «уничтожил в две недели прусскую армию под Иеной, вступил в Берлин» и, объявив войну России, «обещался уничтожить ее новые войска, так же как и под Аустерлицем». Но Анна Павловна, независимо от каких бы то ни было событий, «давала в свободные дни у себя такие же вечера» и точно так же воспринимала все происходящие события только как желание европейских государей и полководцев «потворствовать Наполеону, чтобы сделать ей и вдовствующей императрице эту нравственную неприятность и огорчение». Разговор на вечере фрейлины шел, разумеется, о злободневных политических новостях; не обошлось без осуждения Кутузова; на него в высших сферах взвалили вину за позор Аустерлица. В этой части, как и в последующих, изображение знати не требовало длительных поисков. Отношение автора к ней было ясным, и слова отыскивались без особого труда. При последующей отделке текста Толстой чаще всего приходилось приглушать слишком резко звучащий авторский голос.

Заканчивалась эта часть сценой свидания Александра I с Наполеоном в Тильзите. Весь рассказ до Тильзитского мира, включая и описание встречи двух императоров, не только по содержанию, но местами и текстуально совпадает с окончательной редакцией. Главное отличие ранней редакции от завершённой — подробное описание самой встречи; по мемуарам свидетелей Толстой почти скрупулезно восстановил все детали этого свидания. Ему важно было со всей остротой показать глубину различия в восприятии Тильзитского мира «высшими сферами армии», где немедленно переменялись суждения о Наполеоне, и самой армией, где все были раздражены и возмущены «позорным» для России миром. Мнения высших сфер выражает Борис Друбецкой, а возмущение и боль войска — Николай Ростов. Почти тридцать лет спустя Толстой вспоминал, как важно для него и как трудно было описать свидание двух императоров в Тильзите; «Это свидание, — как объяснял Толстой позднее, — получалось всё время в стороне от всех событий, и мне никак не удавалось его с чем-нибудь связать. Неожиданно случилось само по себе, по ходу романа, что Николай Ростов должен был по делу Денисова передать прошение государю и с этой целью ехать в Тильзит, а раз уже он поехал в Тильзит, я мог подробно представить это свидание двух императоров»²⁶.

Князь Андрей встал и вышел из комнаты
 в ту минуту, когда он слышал, как
 дверь за ним закрылась. Он вышел
 на крыльцо и встал на ступеньки.
 В этот момент он услышал, как
 кто-то подошел к нему. Он обернулся
 и увидел князя Андрея. Он стоял
 перед ним, и в его глазах было
 что-то такое, что князь Андрей
 никогда не видел раньше. Он
 подошел к нему и взял его за
 руку. Князь Андрей почувствовал,
 что он попал в чужие руки. Он
 хотел вырваться, но князь Андрей
 крепко держал его. Он сказал
 ему: "Андрей, ты слышал, что
 случилось? Ты слышал, что
 случилось? Ты слышал, что
 случилось?" Князь Андрей не
 ответил. Он только смотрел на
 князя Андрея. Князь Андрей
 сказал ему: "Андрей, ты слышал,
 что случилось? Ты слышал, что
 случилось? Ты слышал, что
 случилось?" Князь Андрей не
 ответил. Он только смотрел на
 князя Андрея.

См. примечание к главе 11

В примечании к главе 11

Матвей в Аустерлице
 и в Москве
 и в Москве
 и в Москве

В примечании к главе 11
 1) Москва
 2) Москва
 3) Москва
 4) Москва
 5) Москва

В примечании к главе 11

В примечании к главе 11

СТРАНИЦЫ РУКОПИСИ

Вот это был бы Нерсис. *Самое лучшее.*
 Демонстрация. К. В. салу сего, а именно, Глебу
 Клеопольевичу, Варв. Кет. 20-го в. Милитара отъ
 Седьмих К. В. прокуры, съездомъ, а отъ доведенъ
 Седьмих муну муну.
 В 19-мъ году Глебу К. умура, онъ прох
 в Соммелде. Глебу К. умура, онъ прох
 Мил. В. проху муну. К. В. К. умура, онъ прох
 К. В. К. умура, онъ прох.
 Глебу К. умура, онъ прох, а именно, Глебу
 Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.
 Клебу К. умура, онъ прох, а именно, Глебу
 Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.
 Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу
 Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Глебу К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Вот это был бы Нерсис. Демонстрация. К. В. салу сего, а именно, Глебу Клеопольевичу, Варв. Кет. 20-го в. Милитара отъ Седьмих К. В. прокуры, съездомъ, а отъ доведенъ Седьмих муну муну.

Вот это был бы Нерсис. Демонстрация. К. В. салу сего, а именно, Глебу Клеопольевичу, Варв. Кет. 20-го в. Милитара отъ Седьмих К. В. прокуры, съездомъ, а отъ доведенъ Седьмих муну муну.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Вот это был бы Нерсис. Демонстрация. К. В. салу сего, а именно, Глебу Клеопольевичу, Варв. Кет. 20-го в. Милитара отъ Седьмих К. В. прокуры, съездомъ, а отъ доведенъ Седьмих муну муну.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Вот это был бы Нерсис. Демонстрация. К. В. салу сего, а именно, Глебу Клеопольевичу, Варв. Кет. 20-го в. Милитара отъ Седьмих К. В. прокуры, съездомъ, а отъ доведенъ Седьмих муну муну.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Муну, К. В. К. умура, онъ прох, а именно, Глебу Клеопольевичу. Муну, К. В. К. умура, онъ прох.

Признание Толстого чрезвычайно интересно. Прежде всего оно подтверждает, что историческая тема входила в замысел писателя с самого начала работы над романом. Намерение описать свидание Наполеона и Александра I в Тильзите возникло независимо от развития сюжета, а случившаяся «сама по себе» поездка Николая Ростова дала возможность органично включить это историческое событие в ткань произведения.

Столь же важна вторая сторона этого признания. Оно лишний раз напоминает о том, что в истинно художественном произведении не может быть, по убеждению Толстого, искусственных ситуаций, что события должны разворачиваться сами собой по строгой логике развития и вытекать одно из другого с той же естественной последовательностью, как и в самой жизни. Как бы ни было важно событие для выражения идеи, оно не может входить в художественное произведение изолированно, без связи, без сцепления с другими. Многие исторические факты и события, вошедшие в раннюю редакцию, исключены именно потому, что оказались в стороне от развития сюжета.

Рукопись с тематическими границами «от Аустерлица до Тильзита» закончена в декабре 1864 г. Вопрос о печатании нового произведения в «Русском вестнике» был решен, и Толстой уже сдал для публикации рукопись той части, текст которой считал законченным. «Но когда мой portefeuille опустел,— писал он жене,— мне стало грустно, именно оттого, за что ты сердилась,— что нельзя больше переправлять и сделать еще лучше» (т. 83, с. 63). Переданный текст был опубликован в январской и февральской книжках «Русского вестника» под заглавием: «Тысяча восемьсот пятый год» и с подзаголовками групп глав: «В Петербурге» и «В Москве».

Вероятно, на следующий день Толстой вернулся в Ясную Поляну, привезя с собой рукопись последних глав первой части, ту самую копию, которую Софья Андреевна прислала ему в Москву при письме от 25 ноября, но которая оставалась еще не исправленной. Лишь 3 января 1865 г. Толстой послал М. Н. Каткову исправленное окончание первой части. «Посылаю вам,— писал он,— остальную часть той рукописи, которую я привозил тогда в Москву и которая была у вас. То, что теперь у вас, включая и то, что теперь посылается, по-моему, составляет первую часть и, полагаю, выиграло бы, ежели бы было напечатано в одной книжке». Далее Толстой добавлял: «Рукопись исчеркана, прошу меня извинить, но до тех пор, пока она у меня в руках, я столько переделываю, что она не может иметь другого вида. Французские письма я перевел, и, по-моему, можно не печатать перевода, но нельзя не печатать французский текст» (т. 61, с. 66—67). Упоминание о французских письмах подтверждает, что посланы были последние главы первой части, куда входят письма Жюли и княжны Марьи на французском языке. Главы эти опубликованы в февральской книжке «Русского вестника» за 1865 г. с подзаголовком: «В деревне».

Из того же письма Каткову известно о намерении Толстого журнальной публикации предпослать предисловие. «Предисловия я не мог, сколько ни пытался, написать так, как мне хотелось. Сущность того, что я хотел сказать, заключалась в том, что сочинение это не есть роман и не есть повесть и не имеет такой завязки, что с развязкой у нее уничтожается интерес. Это я пишу вам к тому, чтобы просить вас в оглавлении и, может быть, в объявлении не называть моего сочинения романом. Это для меня очень важно, и потому очень прошу вас об этом»²⁷. Сохранились два наброска предисловия (т. 13, с. 54—56; №№ 3 и 4). Со второго наброска была снята копия, но Толстой над ней не работал. Два существенных заявления писатель сделал во втором наброске предисловия. «Печатаю одну часть сочинения без заглавия...» (т. 13, с. 55),— так начал Толстой. Стало быть, заглавие «Тысяча восемьсот пятый год» относилось

ные люди. Я их очень люблю» (т. 61, с. 70). О том же писал А. А. Фету: «На днях выйдет первая половина 1-й части 1805 года. Пожалуйста, подробно напишите свое мнение. Ваше мнение, да еще мнение человека, которого я не люблю тем более, чем более я вырастаю большой, мне дорого — Тургенева. Он *поймет*. Печатанное мною прежде я считая только пробой пера и ор(ешковых?) черн(ил)²⁸, печатаемое теперь мне хоть и нравится более прежнего, но слабо кажется, без чего не может быть вступление. Но что дальше будет — беда!!!» Толстого интересовало восприятие читателей: «Напишите, что будут говорить в знакомых вам различных местах и, главное, как на массу. Верно, пройдет незамеченно. Я этого жду и желаю. Только б не ругали», — писал Толстой в том же письме (т. 61, с. 72).

6 февраля 1865 г. вышла январская книжка «Русского вестника», а 18 марта — февральская. Вся первая часть напечатана. А еще до этого Толстой писал Каткову: «Вторая часть заключает в себе описание²⁹ и Аустерлицкого сражения и, полагаю, будет такого же размера, как и первая. Она у меня написана и будет готова (ежели не случится чего-нибудь со мною особенного) к концу этого месяца» (т. 61, с. 66). Так писал Толстой 3 января 1865 г. и выражал желание, чтобы первая часть была опубликована в январской книжке «Русского вестника», а вторая — в февральской. «Оставлять ее (то есть вторую часть. — Э. З.) до будущей осени мне было бы неприятно, так как я не умею держать написанное, не поправляя и не переделывая до бесконечности» (т. 61, с. 66).

В письмах Толстой и Т. А. Берс за январь — март 1865 г. неоднократно встречаются упоминания о работе Толстого над романом, но уяснить, что же именно писалось в это время, нельзя. А 7 марта 1865 г., после полугодового перерыва, Толстой возобновил — ненадолго (до 10 апреля) — дневниковые записи, которые довольно последовательно рассказывают о его работе. «Пишу, переделываю. Всё ясно, но количество предстоящей работы ужасает. Хорошо определить будущую работу. Тогда, ввиду предстоящих сильных вещей, не настаиваешь и не переделываешь мелочей до бесконечности» (7 марта). «Оба дня писал, поправлял» (9 марта). «Нынче кончил 8-ю главу. Два раза писал» (11 марта). «Читаю Mémoire Ragus'a. Очень мне полезно» (17 марта). «Читал Marmont'a». «В. А. Перовского плен. Даву — казнить» (20 марта). «Ragus'a всё читаю с отметками. Вечером писал сцену моста — плохо» (21 марта). «Писал вечером мало, но порядочно<...> Завтра попробую характеристику Билибина» (23 марта). «Писал немного Билибина» (24 марта). «Три дня писал с большим трудом, но всё подвигаюсь: Брюнн» (10 апреля) (т. 48, с. 59—62). Почти на полгода дневник прерывается.

Нет сомнения, что в марте-апреле создавалась вторая часть: «сцена моста» (это сцена перехода русских войск через Энс и поджога моста), «характеристика Билибина» и «Брюнн» (то есть поездка князя Андрея военным курьером к австрийскому императору в Брюнн после боя под Кремсом и победы над Мортье) — всё это входило во вторую часть, работа над которой продолжалась до 24 сентября. 15 октября «две главы совсем обдумал. Брыков и Долохов не выходят». 1 ноября Толстой «писал довольно много. Окончательно отделал Билибина» и остался «доволен». 8—9 ноября «написал предшествующее сражению и уяснил всё будущее»³⁰.

Стало быть, лишь к концу 1865 г. была закончена вторая часть, содержащая описание Шенграбенского сражения. Не удается установить, как и когда возникла мысль еще раз отодвинуть хронологическую границу начала военных действий, то есть начать повествование не с кануна Аустерлицкого сражения, а с первых дней войны 1805 года, что, естественно, вызвало необходимость создать новую вторую часть.

Во время пребывания в Москве в конце 1864 г. Толстой усиленно собирал и изучал исторические материалы, работал в библиотеках. 7 де-

кабря он провел «часа три» в чертковской библиотеке за книгами очень для него «нужными» и за «портретами генералов», которые были ему «очень полезны» (т. 83, с. 88). В числе изучаемых тогда документов были сочинения французского дипломата Жозефа де Местра, в одной из книг которого подчеркнута гениальность полководца Кутузова и названы пять его «замечательных сражений», предшествовавших Аустерлицкому³¹, что замалчивалось в русских источниках. Может быть, это натолкнуло на мысль рассказать и о начальном периоде войны, о Шенграбенской победе, прежде чем об Аустерлицком поражении.

Но это можно только предполагать, — документов, разъясняющих этот отход от ноября к 11 октября 1805 г., в нашем распоряжении нет. Однако рукописи убеждают, что, закончив описание Тильзитского свидания императоров, состоявшегося в июне 1807 г., Толстой вернулся к первым дням войны 1805 года.

Первая часть, к этому времени уже напечатанная в «Русском вестнике», заканчивалась отъездом князя Андрея Болконского из Лысых Гор на войну. Первый набросок создаваемой вновь второй части начинается словами: «Князь Андрей догнал главнокомандующего Кутузова на польской границе...» В соответствии с заглавиями тематических разделов первой части: «В Петербурге», «В Москве», «В деревне» — первый набросок второй части озаглавлен: «За границей». Содержание его: князь Андрей перед началом военных действий в штабе Кутузова в Браунау. В главной квартире князь Андрей чувствовал себя «в том же, столь надоевшем ему, петербургском мире интриг, женщин, французских фраз и пустоты». Штабные офицеры «возбуждали в нем чувство не только презрения, но отвращения и гадливости своей грубостью, грязностью и пошлостью занимавших их интересов». Напротив, находясь в командировках или при Кутузове во время смотров, он испытывал сильно одушевлявшее, поднимавшее в нем энергию чувство при виде «симметричных двигающихся масс». Впечатления князя Андрея позволяют узнать обстановку главной квартиры, да и сам автор рассказывает о «враждебной, но учтивой дипломатии австрийских и русских властей», о невыгодном положении Кутузова при австрийском дворе, о начале военных действий в октябре 1805 г., о предписании Кутузову идти на помощь Макку. На этом рукопись обрывается (т. 13, с. 416—419).

Среди рукописей сохранился маленький набросок в пятнадцать строк, озаглавленный: «Часть 2. Глава I. Поход». Он открывается выступлением Павлоградского полка, в котором служил юнкером Николай Ростов³². Быть может, у Толстого был замысел текстом, озаглавленным «За границей», закончить первую часть, а вторую часть начать сразу военными действиями. Если допустить это, то набросок «Поход» следует считать первым вариантом начала второй части. Вероятно, замысел этот отпал, и набросок был отброшен.

Толстой продолжал искать начало для второй части. Одно из них вновь было озаглавлено: «За границей». Удовлетворила его наконец в качестве начала (без названия) стоянка Кутузова в Браунау и подготовка пришедшего полка к смотру. По новому замыслу народ на войне впервые будет изображен не в Аустерлице, а в начальный период войны. Толстой стремится показать национальный дух армии в тот момент, когда она впервые появляется в действии. Два плана и ряд конспективных записей, относящихся к создаваемой новой части (т. 13, с. 27—30), говорят о том, что такой план уже созрел.

Судя по приведенной выше дневниковой записи от 10 апреля 1865 г., повествование было доведено до отступления русских войск к Шенграбену. Несколько раз Толстой перерабатывал характеристику Билибина, а также описание пребывания князя Андрея в Брюнне (т. 13, с. 333—351). Дневник прерывается на несколько месяцев. 16 мая Толстой сообщил А. А. Фету: «Я всё пишу понемножку и доволен своей работой»

Тысяча воевать пятый год. 595

Bois. Mais il n'a pas eu le temps. J'espère, mon cher ami, que vous remplirez le désir de votre père.

Пьер ничего не понимал, и молча, застычиво краснела, что съ нимъ рако было, сморгнул на княгиню Анну Михайловну. Переговори съ Пьеромъ, Анна Михайловна ушла къ Ростовымъ и легла спать. Проснувшись утромъ, она раскаивая Ростовымъ и всѣмъ знакомымъ подробности смерти графа Безухова. Она говорила, что графъ умеръ такъ какъ и она желала бы умереть, что конецъ его былъ не только прогнанъ, но и изгнана, послѣднее же слово лавы отъ сѣньора, было по тому, прогнано, что она не могла исполнить его безъ слезы, и что она не знаетъ кто лучше взял себя въ эти страшныя и торжественныя минуты: отецъ ли, который такъ все и слезы вспоминалъ въ послѣднѣя минуты, или такая трогательная слова сказала сну, или Пьеръ, на которого жалко было смотреть, какъ онъ былъ убитъ и какъ, несмотря на это, старался скрыть свое печаль, чтобы не оторвать умирающаго отца. «C'est terrible, mais cela fait du bien; ça dève l'âme de voir des hommes comme le vieux comte et son digne fils», говорила она. О поступкахъ княжны и князя, Василья она, не одобряла въ, тоже раскаивая, но по въ большому секретомъ и шепотомъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

XXXXII.

Въ Длинныхъ Горкахъ, швейи князя Николая Андреевича Бѣлоуского, ожидали съ князьемъ днѣмъ прѣзда молодого князя Андрея съ княгиней, но ожиданіе не имѣло старобнаго порадка, по которому шла жизнь въ цѣлѣ старика князя. Генералъ-Андрѣй, князь Николай Андреевичъ,

Послѣ а, мождѣ-бѣт, разкажу вамъ, что еспѣи, я не была тамъ, по Богъ знаетъ что бы случилось. Вы знаете, что алмашиа дѣвѣ, мой другъ, вы исполните желаніе отца. Это такъ, но въ это время: душа возмущается когда виднашъ такихъ людей какъ старый графъ и его достойный сынъ.

Русскія Вѣстникъ

ВЪ МОСКВѢ.

XIV.

Князь Василій исполнилъ обещаніе ланное имъ, на вечерѣ у Анны Павловны, пожелавъ князь просидѣть его о своимъ единственною сынѣ Борисѣ. О мѣнь было доложено государю, и, не въ прѣдѣлѣ другамъ, онъ былъ перевелъ въ гвардію Семёновскаго полка прапорщикомъ. Но альтернатива, или состоянціи при Кургузовѣ, Борису такъ и не былъ назначенъ, несмотря на всѣ хлопоты и просьбы Анны Михайловны. Вскоръ послѣ вечера Анны Павловны, Анна Михайловна вернулась въ Москву, при мо къ своимъ богатѣмъ родственникамъ Ростовымъ, у которыхъ она стала въ Москвѣ, и у которыхъ съ дѣтства воспитывалась и тогда жила въ обожанной Борису ка, только что произведенный въ армейскіе и тогда же переведенный въ гвардейскіе прапорщико. Гвардія уже вышла изъ Петербурга 10-го августа, и сыма, оставшіеся на обученіи въ Москвѣ, дождались быть догнать ее по дороге въ Рязаньскую.

У Ростовыхъ была именованца Наталья, мать и меньшая дочь. Съ утра, не переставая, ползалъ и отъѣздилъ Москвѣ извѣстному дому графини Ростовой, на Певарской Графини съ старшою дочерью и гостями, не переставшими скѣничать одна другую, судили въ гостиной. Графиня была женщина съ восточнымъ типомъ худого лица, дѣтъ сурко пахли, видно замуравана дѣвѣ, которая у ней было дѣлалась человекъ. Медлительность ея лажной и гонора, прощалавшая отъ слабости силъ, придала ея значительный видъ, внушавшій уваженіе. Княгиня Анна Михайловна Арбушечка, какъ домашній человекъ, судила тутъ же, помогая въ дѣлѣ прикиманія и знаменанія разговоромъ гостей. Молодежь была въ заднихъ комнатахъ, не находя нужныхъ

ТЫСЯЧА ВОЕВАНЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

— Eh bien, mon prince, Genes et Laroques ne sont plus que des arnaques, des poivrets, de la famille Buonaparte. Non, je vous prévins que si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, vous vous permettez encore de palter toutes les initiatives, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) — je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus mon véritable frère, comme vous dites. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur, salut, et reconnaissantes.

Чтобы сохранить колоритъ разговора действующихъ лицъ, въ текстѣ весьма часто употребляется французскія фразы. Для немнѣе цѣль французскаго языка присоединяется въ восточномъ видѣ охотъ переводъ французскихъ выраженій текста. Ред.

Ну что, князь, Генуя и Лукка стали не больше какъ поить лии французіи Buonaparte. Нѣтъ, я вамъ вереватъ говорю, если вы штъ не скажете, что у насъ война, если вы позволите себѣ заши охъ Антхристу, — я васъ больше не знаю, вы ужъ, не вѣрѣ мой, вы ужъ не братъ мой вѣрнѣй, какъ вы говорите.

I Я вижу, что я васъ пугаю.

(т. 61, с. 82). И Толстой предполагал, что в сентябре сможет начать печатание второй части (т. 61, с. 91). Предположение оправдалось. 16 июля Толстой читал А. А. Фету «военные сцены в романе»³³. Через десять дней он уехал к П. Н. Новосильцеву, в его имение «Воин» Орловской губернии, оставив жене рукопись для копирования. Из писем С. А. Толстой выясняется, над чем же в эту пору работал Толстой: «...я всё списывала, но дело идет тихо. Начну списывать, то дети помешают, то мухи кусали ужасно, то станет интересно, и я читаю дальше и начинаю думать и судить сама себе о всех лицах и действиях твоего романа. Мне очень Долохов нравится. Но я чувствую себя все-таки действительно пошлой читающей публикой». Два дня спустя: «Нынче переписывала и прочла вперед немного, что я еще не видала и не читала, а именно, как жалкий повязанный старичок Макк приехал сам признаться, как его разбили, а кругом его любопытные адъютанты, а он почти рыдает, и его свидание с Кутузовым. Мне ужасно это понравилось, оттого и пишу об этом тебе»³⁴. Ясно, таким образом, что летом переписывалась первая половина второй части.

С 24 по 25 сентября Толстой с семьей провел у Дьяковых в имении Черемошня; там он читал вслух написанное в последнее время. «Их не занимает, — записал Толстой в дневнике 24 сентября. — Но мне показалось настолько недурно, что не стоит переделывать. Nicolas надо придать любовь к жизни и страх смерти на мосту. А Андрею — воспоминания сраженья в Брюнне»³⁵ (т. 48, с. 53). Конец сентября и весь октябрь были посвящены работе над окончанием второй части.

29 сентября Толстой писал брату, С. Н. Толстому, что «с осенью начал усерднее писать» и надеется «через несколько недель кончить 2-ю часть» (т. 61, с. 106). 15 октября в дневнике отмечено: «Две главы совсем обдумал. Брыков и Долохов не выходят. Мало работаю» (т. 48, с. 65). Речь идет об эпизоде Шенграбенского сражения: «геройский поступок» роты Брыкова, в которой состоял разжалованный Долохов. (В процессе переработки Брыков был переименован в Тимохина; уже под этой фамилией он вошел в журнальную публикацию.) 17 октября Толстой отметил в дневнике, что «для Долохова видел на охоте местность и ясно»: 20 октября: «Перечитывал, переправлял, идет дело. Долохова сцену набросал». 21 октября: «К вечеру обдумывал Долохова» (т. 48, с. 65). Дальнейших сведений ни о работе, ни о дате отсылки второй части в набор, ни о правке корректуры — нет.

Не менее девяти месяцев Толстой был занят второй частью. Относящиеся к ней рукописи составляют 251 лист автографов и правленных копий. Наборная рукопись и корректуры не сохранились.

По сохранившимся же черновым автографам легко уясняется, что именно потребовало наибольших творческих усилий. Выразительнее, чем в завершленном тексте, представлено состояние армии в первый период войны, ее национальный дух. Войска проходили польские деревни и города, проходили Богемия и всё «с русскими песнями, русским говором, русскими мыслями и русскими привычками», «пронося везде русский дух», и «чем дальше уходили, тем плотнее сжимался этот, точно кусок России, который оторвался от нее и пошел с штыками и песнями, пешком и верхом ходить по разным землям, и чем дальше, тем беззаботнее и веселее и русее казался этот оторванный кусок России».

Не дошла до печати небольшая глава с краткими сообщениями о сражении при Ламбахе, Амштеттене, Мельне и Кремсе, что лишний раз свидетельствует об авторской позиции на раннем этапе работы, об его отношении к историческим источникам. Цитируя письмо французского маршала Ланна к Наполеону о том, что «русские удирают еще быстрее», чем их преследуют французские войска, что «эти несчастные (русские. — Э. З.) не задерживались даже ни разу, чтобы принять сражение», Толстой сделал примечание: «Тьер приводит только это место из письма Ланна

Бонапарту. Оно ему, очевидно, нравится потому, что Ланн лжет нагло, как и лжет вся невежественно-легкомысленная книга Тьера. Каким образом книга Тьера „Le Consulat et l'Empire“ может считаться серьезным сочинением? Непостижимо для каждого человека, сколько-нибудь занявшегося изучением той эпохи, которая описывается в этой книге. Книга эта, по моему мнению, принадлежит к разряду путешествий и историй А. I. Duma» (т. 13, с. 439).

Много заботился Толстой о том, чтобы в художественных сценах показать невыгодное положение и серьезные трудности, создавшиеся для Кутузова и русского войска с самого начала войны, когда «кутузовскому 40-тысячному войску, необутому, плохо кормленному, предстояло не только отступить перед вдвое сильнеешим победителем, хорошо продовольствованным неприятелем, среди чужой, дурно расположенной страны, готовой к предательству как в своих низших, так и высших представителях, но и удерживать этого неприятеля по дороге в Вену уничтожением мостов и арьергардными сражениями, о чем каждый день писал к Кутузову австрийский император». Не раз Толстой подчеркивал, что, сохраняя вид подчинения главному командованию, Кутузов старался даже в тех сложных условиях действовать по собственному обдуманному плану (пути отступления от Кремса, Кремское сражение и др.).

Важно было также в художественных сценах охарактеризовать и разоблачить австрийские высшие военные сферы и придворный круг, а также русских дипломатов (кружок Билибина). Для этой цели использован приезд князя Андрея в Брюнн. Общее настроение австрийского двора показывало, говорит Толстой, что «войною, собственно, мало занимались в Брюнне. Жизнь с придворной обстановкой, щегольством, праздниками и женщинами шла так же, как будто не было никогда в государстве ни госпиталей с тяжелым запахом, наполненных стонущими, бледными ранеными, ни выжженных и покинутых деревень, ни Вены, в которой уже командовал Мюрат». Почти сатирически изображены «низшие придворные лица», старавшиеся вступить в разговор с князем Андреем после его аудиенции у императора. Толстой сравнил их с «алчущими животными у колодца», которые «ежели не могут достигнуть до самого источника драгоценной влаги, то жадно рвутся высосать ту влагу, которая выливается на доступное им корыто». И князь Андрей в этот момент «почувствовал себя этой бадьей, выходящей из колодца, перед столпившимся стадом, когда он вышел из двери кабинета императора».

Самый образ князя Андрея, эволюция его взглядов — были также предметом напряженного творческого труда. Толстой как бы подготавливал своего героя к подвигу в Аустерлицком сражении, который уже давно был обдуман и в предшествующей рукописи художественно изображен. Толстой вел князя Андрея к вере в силы народа, постепенно сталкивая его с различными кругами людей, вводя его в ту атмосферу, в которой взгляды Болконского на войну и военное дело, высказываемые им в первой части произведения, изменялись. Среда, в которой оказывался князь Андрей, и события, в которых он участвовал (штаб Кутузова, сражение под Кремсом, встреча с обозом русских раненых по дороге в Брюнн, прием у австрийского императора, лагерные сцены в Грунте, капитан Тушин и, наконец, Шенграбенское сражение), обрисованы в черновых текстах более подробно и порою более резко. В отличие от журнального текста и особенно от завершенной редакции, в черновой большое место занимает повествование от лица автора, слишком явно выступает оценка им событий и лиц.

К преодолению этого, к замене авторских рассуждений художественными сценами были направлены усилия Толстого при работе над первой редакцией романа. Подробнее рассказывалось, как в результате личных впечатлений менялось отношение князя Андрея к солдатам. «Несмотря на свое философское воспитание конца 18-го века и несмотря на свою

любовь к военному делу, князь Андрей никогда не думал, что в военном деле что-нибудь значат люди, как солдаты и мелкие офицеры, никогда не думал, что от них зависит что-нибудь в военном деле». Такова первоначальная позиция князя Андрея. После Брюнны, вернувшись в армию и объезжая позиции перед Шенграбенским сражением, князь Андрей уже иначе относится к войску, и особенно сильное впечатление производит на него разговор с капитаном Тушиным³⁶, к мыслям которого о войне и военном деле постепенно приближается князь Андрей.

Основная, даже решающая роль в предстоящей перемене взглядов князя Андрея была предназначена Тушину в Шенграбене. Добиться психологической точности удалось лишь после многократной переработки глав, предшествующих Шенграбенскому сражению. В черновом варианте читаем схематический набросок размышлений князя Андрея после битвы: «Я всё могу. Могу найти смысл в этих толпах и мысль». Далее от лица автора: «Князь Андрей в избе записывает, ему мелькает мысль, что Тушин прав, но он стремится разумом обнять всё».

Шенграбенское сражение, атака, в которой участвовал Николай Ростов, так же как и всё окончание второй части, и по содержанию и по художественной форме удались Толстому почти сразу.

Вторая часть дана в переписку, и с первых чисел ноября 1865 г. появляются свидетельства Толстого о работе над продолжением. «Весь день хорошо обдумывал много, писал мало», — отметил он в дневнике 3 ноября (т. 48, с. 66). В этот же день в письме к А. Е. Берсу: «Я свеж, весел, голова ясна, я работаю — пишу по 5—6 часов в день <...> Дописываю теперь, т. е. переделываю, и опять и опять переделываю свою 3-ю часть. Эта последняя работа отделки очень трудна и требует большого напряжения; но я по прежнему опыту знаю, что в этой работе есть своего рода вершина, которой достигнув с трудом, уже нельзя остановиться, и, не останавливаясь, катишься до конца дела. Я теперь достиг этой вершины, и знаю, что теперь хорошо ли, дурно ли, но скоро кончу эту 3-ю часть. Не кончив же эту часть, мы не тронемся в Москву» (т. 61, с. 111).

Исходя из авторской даты: 21 декабря 1865 г., которая проставлена в конце последней главы второй части в апрельской книжке «Русского вестника», исследователи сделали ошибочный вывод, что в ноябре 1865 г. Толстой называл вторую часть «третьей», считая «первой» то, что было напечатано в январской книжке «Русского вестника», то есть главы I—XXVIII первой части, «второй» — напечатанное в февральской книжке, то есть главы XXIX—XXXVIII³⁷.

Бесспорным доказательством того, что всё опубликованное в первых двух книжках «Русского вестника» Толстой считал первой частью, служит намеченное Толстым распределение текста по частям:

- 1 ч. что напечатано.
- 2 ч. до Аустерлица включительно.
- 3 ч. до Тильзита включительно.
- 4 ч. Петербург до объяснения Андрея с Наташей включительно.
- 5 ч. до эпизода Наташи с Анатолом и объяснения Андрея с Piegг'ом включительно.
- 6 ч. до Смоленска.
- 7 ч. до Москвы.
- 8 ч. Москва.
- 9 ч. Тамбов.
- 10³⁸.

Нет сомнения, что Толстой намечал такое деление, когда была напечатана только первая часть, до начала печатания второй части, то есть до февраля 1866 г. Уясняется также, что он намеревался объединить во второй части описание Шенграбенского и ранее написанного Аустерлицкого сражений, а в третью часть включить всё после Аустерлица до

Тильзита, то есть большую часть рукописи, созданной год тому назад. Толстой ведь ясно говорит в цитированном выше письме А. Е. Берсу, что он дописывает теперь, то есть вновь и вновь переделывает, свою третью часть. Не пишет, а дописывает и переделывает. Стало быть, в ноябре-декабре 1865 г. Толстой исправлял и перерабатывал рукопись, создававшуюся в большей части под диктовку в октябре-декабре 1864 г., которая и считалась тогда третьей частью — «от Аустерлица до Тильзита».

Намерение включить во вторую часть описание Аустерлицкого сражения отпало, и вторая часть, содержащая описание только Шенграбенского сражения, была опубликована в «Русском вестнике» в феврале — апреле 1866 г. под тем же заголовком «Тысяча восемьсот пятый год» — с подзаголовком «Война». На этом печатание прекратилось. Толстой решил не печатать по частям незаконченное произведение, а выпустить отдельным изданием уже завершенную книгу³⁹.

Важным свидетельством того, что приведенное распределение материала по частям было намечено в период обработки рукописи «от Аустерлица до Тильзита», которая считалась тогда третьей частью, служит сделанная на том же листке помета: «104 псалом». Именно в этой рукописи при описании родов маленькой княгини содержится текст о княжне Марье, которая в это время сидела в своей комнате и, раскрыв псалтырь, «стала читать 104 псалом». После этой фразы в рукописи строка точек, означающая, что сюда должен был быть вписан текст псалма. На том же листке есть еще одна запись, связанная с этой «третьей частью»: «Вольные хлебопашцы». Толстому нужно было выяснить этот вопрос в связи с попытками Пьера улучшить положение своих крестьян, что входило в обрабатываемую им тогда и считавшуюся третьей частью, а также для описания мероприятий князя Андрея в Богучарове, с чего начиналась следующая часть.

Итак, в первой половине ноября 1865 г. Толстой перерабатывал и дописывал ранее созданную рукопись в соответствии с возникшим замыслом начать военную тему не с Аустерлицкого, а с Шенграбенского сражения, которое и вошло в новую написанную вторую часть.

«Писал много, всё неудачно. Но идет вперед», — записано в дневнике 6—7 ноября. «Вчера избыток и сила мысли. Написал предшествующее сражению и уяснил всё будущее», — отмечено 9 ноября (т. 48, с. 66). Очевидно, обработано и дописано было всё, что предшествовало Аустерлицкому сражению⁴⁰. Тогда же, 9 ноября, Толстой «взял важное решение не печатать до окончания всего романа» (т. 48, с. 66). Вот почему, вероятно, вторая часть текста, посланного в «Русский вестник», включала в себя только описание Шенграбенского сражения. 12 ноября в дневнике Толстого записано: «Кончаю 3-ю часть. Многое уясняется хорошо» (т. 48, с. 66). На этой записи дневник прервался почти на тринадцать лет, до 17 апреля 1878 г. Для датирования дальнейшего процесса работы служат разрозненные отрывки в записных книжках, переписка Толстого и, главное, сами рукописи.

14 ноября 1865 г. Толстой сообщал А. А. Толстой: «Романа моего написана только 3-я часть, которую я не буду печатать до тех пор, пока не напишу еще 6 частей, и тогда — лет через пять — издам отдельным сочинением» (т. 61, с. 115). Сопоставление этого письма с приведенным выше авторским распределением материала по частям убеждает, что оно составлялось именно в середине ноября, когда были написаны три части «до Тильзита» и намечены темы следующих шести.

В прежнем описании Аустерлицкого сражения, которое вошло в третью часть, пришлось исключить разговоры о Шенграбенском сражении, поскольку было создано описание самого сражения, исключить эпизод с батареей Тушина, ставший теперь центральным в Шенграбене.

Первая часть напечатана. Вторая часть готовится к сдаче в печать. Переработка третьей части завершается. Дальнейшее обдумано. На полях

одного из листов большой рукописи, заканчивающейся Тильзитом, Толстой отметил объем готового текста в авторских листах.

<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%;">В Петербурге</td> <td rowspan="2" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="2" style="vertical-align: middle;">9 л.</td> <td rowspan="2" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В Москве</td> </tr> <tr> <td>В Петербурге</td> <td rowspan="4" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="4" style="vertical-align: middle;">9 л.</td> <td rowspan="4" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В Москве</td> </tr> <tr> <td>В деревне</td> </tr> <tr> <td>За границей</td> </tr> <tr> <td>В Петербурге</td> <td rowspan="3" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="3" style="vertical-align: middle;">4</td> <td rowspan="3" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В деревне</td> </tr> <tr> <td>В Москве</td> </tr> <tr> <td>Аустерлиц</td> <td rowspan="2" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="2" style="vertical-align: middle;">5</td> <td rowspan="2" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В Москве</td> </tr> <tr> <td>В деревне</td> <td rowspan="2" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="2" style="vertical-align: middle;">3</td> <td rowspan="2" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В деревне</td> </tr> </table>	В Петербурге	}	9 л.		В Москве	В Петербурге	}	9 л.		В Москве	В деревне	За границей	В Петербурге	}	4		В деревне	В Москве	Аустерлиц	}	5		В Москве	В деревне	}	3		В деревне	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%;">В Москве</td> <td rowspan="2" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="2" style="vertical-align: middle;">3</td> <td rowspan="2" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В Петербурге</td> </tr> <tr> <td>В Москве</td> <td rowspan="2" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="2" style="vertical-align: middle;">3</td> <td rowspan="2" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В Петербурге</td> </tr> <tr> <td>и деревне</td> <td rowspan="2" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="2" style="vertical-align: middle;">5</td> <td rowspan="2" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>Тильзит</td> </tr> <tr> <td>Письмо</td> <td rowspan="2" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="2" style="vertical-align: middle;">5</td> <td rowspan="2" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В Петербурге</td> </tr> <tr> <td>В деревне</td> <td rowspan="2" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="2" style="vertical-align: middle;">3</td> <td rowspan="2" style="width: 50%;"></td> </tr> <tr> <td>В Турции</td> </tr> </table>	В Москве	}	3		В Петербурге	В Москве	}	3		В Петербурге	и деревне	}	5		Тильзит	Письмо	}	5		В Петербурге	В деревне	}	3		В Турции
В Петербурге	}				9 л.																																																	
В Москве																																																						
В Петербурге	}	9 л.																																																				
В Москве																																																						
В деревне																																																						
За границей																																																						
В Петербурге	}	4																																																				
В деревне																																																						
В Москве																																																						
Аустерлиц	}	5																																																				
В Москве																																																						
В деревне	}	3																																																				
В деревне																																																						
В Москве	}	3																																																				
В Петербурге																																																						
В Москве	}	3																																																				
В Петербурге																																																						
и деревне	}	5																																																				
Тильзит																																																						
Письмо	}	5																																																				
В Петербурге																																																						
В деревне	}	3																																																				
В Турции																																																						

28

Эт
к кон

написанного
бытия жизни

в Петербурге, Москве и деревне равномерно перемежаются с военными: «За границей» (то есть Шенграбен, Аустерлиц, Тильзит).

Одновременно с переработкой третьей части шла переписка второй. «Уж у меня рука не ходит писать, я целыми днями переписываю Левочке», — сообщала С. А. Толстая сестре 16 ноября 1865 г. Готовилась, очевидно, наборная рукопись второй части для «Русского вестника». Вероятно, просмотрев переписанный текст, Толстой подписал: «21 декабря 1865 г.» — дата, завершающая публикацию романа в журнале.

В январе 1866 г. Толстой с семьей приехал в Москву и привез с собою рукопись в восемь печатных листов; это и была, очевидно, наборная рукопись второй части (она не сохранилась). До начала марта Толстой пробыл в Москве, вероятно, правил корректуры второй части (они тоже не сохранились). 11 марта вышел № 2 «Русского вестника», в котором были напечатаны первые девять глав второй части; 14 апреля — № 3 с главами X—XIV и 20 мая — № 4 (апрельская книжка) с последними главами: XV—XXIV.

Перед отъездом в Москву Толстой писал А. А. Фету: «...я довольно много написал нынешнюю осень своего романа. „Ars longa, vita brevis“⁴¹, думаю я всякий день. Коли бы можно бы было успеть $\frac{1}{100}$ долю исполнить того, что понимаешь, но выходит только $\frac{1}{10000}$ часть. Все-таки это сознание, что могу, составляет счастье нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынешний год с особенной силой его испытываю» (т. 61, с. 125).

Действительно, в конце 1865 г. Толстой испытывал состояние большого творческого подъема. Надолго исчезают из его писем сетования на то, что работа не идет. В Москве в этот приезд он много занимался в библиотеках; в кругу близких людей читал отрывки романа, вернее всего главы из привезенной рукописи второй части⁴². В феврале 1866 г. Толстой писал двоюродной тетке, что воспользовался пребыванием в Москве, чтобы оживить в себе воспоминание о свете и о светских людях, которое становилось в нем «слишком отвлеченным». «А мне нужно, — писал Толстой, — уметь более или менее верно судить людей, потому что я их стараюсь описывать» (т. 61, с. 128).

Завершив переработку третьей части «до Тильзита включительно» и приняв решение, не закончив произведения, не печатать его больше по частям, Толстой начал новую рукопись, открыв ее четвертой частью, тема которой была им определена так: «Петербург до объяснения князя Андрея с Наташей». Без перерывов, на одном дыхании, пишет Толстой дальше свой роман до конца.

Сохранилась единая рукопись — автограф, завершающий раннюю редакцию произведения; в рукописи 363 листа, исписанных с двух сторон. Текст начинается с обзора событий после Тильзитского мира и заканчивается кратким конспектом эпилога, каким он представлялся автору по первоначальному замыслу. Внешний вид рукописи говорит о том, что

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ ПЯТЫЙ ГОД*

ВОЙНА.

Въ октябрѣ 1805 года, русскія войска занимали села и города Эрцгерцогства Австрійскаго, и еще новыя полки приходили изъ Россіи, и отлагая постоямъ жителей, располагались у крѣпости Браунау. Въ Браунау была главная квартира Кутузова.

11 го октября, 1805 года, одинъ изъ только-что пришедшихъ къ Браунау ибгогыхъ полковъ, ожидалъ смотра главнокомандующаго, стоялъ въ полумиль отъ города. Несмотря на не русскую мѣстность и обстановку — фруктовые сады, каменная ограда, черепичныя крыши, горы видѣвшіяся вдали, на не русскій народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на солдатъ, — полкъ имѣлъ точно такой же видъ, какой имѣлъ всякій русскій полкъ готовившійся къ смотру гдѣ-нибудь въ серединѣ Россіи. Тяжелые солдаты въ муштрахъ съ высоко поднятыми рандами и перекинутыми черезъ плечо шинелями, а легкіе офицеры въ муштрахъ съ башмиши по ногамъ шпалками, оглаживая вокругъ себя свои знакомыя рады, сады свои знакомыя обозы, спереди еще болѣе знакомыя пригладѣвшіяся фигуры начальства, и еще дальше впередъ коновлазъ уланскаго полка и паркъ батареи медіеи весь походъ вмѣстѣ съ ними, чувствовали себя заныть также дома, какъ и въ какомъ бы то ни было уездѣ Россіи.

Съ вечера, на послѣднемъ переходѣ, былъ получены приказъ, что главнокомандующій будетъ смотрѣть полкъ на походѣ. Хотя слова приказа и показались не ясны полковому

* Часть вторая. См. Русскій Вестникъ 1865 года, № 1 и 2.

она создана в состоянии огромного творческого подъема. Толстой не делает перерывов в работе, не дает по частям в переписку. Он движется вперед, одновременно ставя на полях многочисленные пометы, касающиеся исправлений и дополнений только что написанного и того, о чем он предполагает писать в дальнейшем.

Большая часть этой рукописи разрозненными отрывками опубликована в т. 13, №№ 98—112, 121—128, 131—152; т. 14, №№ 160, 184. При этом публиковались только отрывки, наиболее отличающиеся от окончательного текста, и располагались они не в той последовательности, в какой были написаны, а в соответствии с ходом повествования в окончательном тексте романа. Зачеркнутые большие отрывки приводились не в контексте, а как изолированные варианты. Вследствие такого метода публикация не дает ясного представления ни о полном содержании ранней редакции, ни о ее стройной композиции.

СТРАНИЦА ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»,
1866, № 2

7 марта Толстой с семьей вернулся в Ясную Поляну и 4 апреля писал: «С тех пор, как я из Москвы, я кончил целую новую часть <...> т. е. кончил то, что я намерен был печатать осенью, но дело пошло так хорошо, что я пишу дальше и льщу себя надеждой написать к осени еще такие 3 части, т. е. кончить 12-й год и целый отдел романа» (т. 61, с. 135). Спустя месяц в письме А. А. Фету Толстой подтвердил, что «очень много написал» своего романа, и просил адресата откровенно высказать впечатление от уже напечатанных частей. «Я очень дорожу вашим мнением, но, как вам говорил, я столько положил труда, времени и того безумного авторского усилия <...> так люблю свое писание, особенно будущее — 1812 год, которым теперь занят, что не боюсь осуждения даже тех, кем дорожу, а рад осуждению». В том же письме Толстой выражал надежду кончить роман в 1867 г. и напечатать «весь отдельно с картинками», уже заказанными М. С. Башилову; часть их к этому времени была создана, и Толстой был ими «очень доволен». Советовался Толстой тогда же с Фетом и относительно заглавия: «Все хорошо, что хорошо кончается» (т. 61, с. 138, 139). Мысль о таком названии возникла задолго до окончания ранней редакции; больше оно ни разу не упоминалось.

Приведенные письма подтверждают, что весной 1866 г. писание пошло уже к 1812 г., то есть к шестой части, обозначенной в приведенном выше распределении по частям: «до Смоленска», и напоминают о намерении написать еще «три части, т. е. кончить 12-й год».

Каждая часть открывается небольшим вступлением, посвященным тому историческому периоду, в пределах которого будет происходить действие. В начале четвертой части надо было рассказать о жизни России в 1808—1810 гг. «Никто уже не помнил о Буонапарте — корсиканском выходе и антихристе: не Буонапарте был, а великий человек Наполе-

М. С. БАШИЛОВ. ПЕРВЫЙ ИЛЛЮСТРАТОР «ВОЙНЫ И МИРА»

Автопортрет. Акварель. Начало 1860-х годов

«Ожидаю ваши рисунки и того подстрекающего чувства, которое они вызывают во мне»
(из письма Толстого к М. С. Башилову от 4 июня 1865 г.)

он», — так начал Толстой вступление к четвертой части, характеризуя обстановку всеобщего преклонения перед Наполеоном. Дружба «двух властелинов мира» дошла до того, что когда «Наполеон объявил войну Австрии, то русский корпус выступил на границу для содействия своему прежнему врагу Буонапарту».

Такова внешнеполитическая обстановка. Главное же внимание русского общества обращено в это время на «внутренние преобразования, которые были производимы в это время императором во всех частях государственного управления». Толстой дал подробный анализ преобразований, проводившихся Александром I, указал на то, что примером для подражания служила «отчасти Англия, отчасти наполеоновская Франция». Отметил разногласия между «нововводителями» во главе со Сперанским и их противниками — такими, как Карамзин с его «запиской о старой и новой России».

В соответствии с приведенными выше конспектами (т. 13, с. 24–26, №№ 8 и 9) Толстой продолжал работать над романом.

Действие открывает князь Андрей, переживающий духовное возрождение после встречи с Пьером и удачных реформ в своем имении Богу-

чарово. По рекомендации Пьера князя Андрея принимают в масоны. Живя безвыездно в деревне, он «много читал, много учился, много переписывался с братьями масонами», но, следя за преобразованиями Сперанского, «начинал всё более и более тяготиться своей тихой, ровной и плодотворной деятельностью, которая казалась ему бездействием в сравнении с борьбой и ломкой всего старого, которая, по его понятиям, должна была проходить теперь в Петербурге, центре правительственной власти».

И здесь, при описании жизни князя Андрея в Богучарове, появляется эпизод с дубом, символизирующий его духовное возрождение. Толстому удалось сразу создать картину ранней весны, рисунок «корявого», «презрительного» дуба, а затем того же дуба, зазеленевшего и «подавлявшего своей красотой и счастьем березовые деревья, над весенним счастьем которых он прежде так мрачно смеялся». Мысли князя Андрея о дубе уже в этом варианте связывались с воспоминаниями о Наташе, о той девочке, которую он почти мимолетно видел в Отрадном. Вид зазеленевшего дуба заставил князя Андрея «окончательно и несомненно» решить «тот тайный вопрос, который давно занимал его. Да, он не был прав. И счастье, и любовь, и надежда — всё это есть, всё это должно быть, и мне надо употребить на это остаток моей жизни». Однако символический и глубоко психологический эпизод с дубом еще не занял того композиционно важного места, которое было ему отведено потом, в завершённом романе.

Обострившийся интерес князя Андрея к общественной жизни привел его опять в Петербург, куда, как будто к слову упомянул автор, уехали и Ростовы: «дела старого графа так расстроились, что он поехал искать места на службе». Толстой знал уже, что в Петербурге князь Андрей встретится с Пьером и будет вести с ним душевные беседы; знал, что князь Андрей увлечется деятельностью Сперанского и вскоре разочаруется в ней; знал, наконец, что произойдет встреча Болконского с Наташей, — но не сразу нашел форму для столь четко продуманного содержания.

«Всё предполагавшееся тогда переустройство России, готовившееся к началу 10-го года», казалось князю Андрею «существенным благом для народа и первым на очереди вопросом». Участие его в осуществлении преобразований позволило Толстому осветить деятельность Сперанского, высказать свое отношение к нему, то самое, к какому приходит и князь Андрей, и дать широкую картину государственной и общественной жизни в 1809—1810 гг. Чтобы работать со Сперанским, князю Андрею «надо было верить, что всё скверно старое, и князь Андрей верил в это».

В ранней редакции «Войны и мира» Толстой уже отразил все главные вопросы, входившие в план реформ государственного управления: политическое переустройство государства, крестьянский вопрос, преобразование просвещения, суда и администрации. Во всех этих областях Болконский работал «с охотой, упорством и успехом». Затем Толстой схематично наметил, как закончится деятельность князя Андрея: «Он дружески разошелся с Сперанским и стал составлять общее законодательство и для того поехал учиться за границу». В этой же записи отмечена поездка Болконского на бал и перемена в его настроении: «Он почувствовал себя счастливым и готовым к счастью». Эта схема потом во многом изменится.

Не сразу Толстой нашел место для новой встречи князя Андрея с Наташей. Сначала встреча происходит на свадьбе Веры Ростовой с Бергом. На семейном вечере присутствует и Анатолий Курагин, который в «то время был львом Петербурга». Так подготавливалась «история Наташи с Анатолем». Этот план не осуществился, и в той же рукописи появилась сцена придворного бала. Сборы Ростовых на бал, самый бал, впечатление, произведенное Наташей на Болконского, визит князя Андрея на следующий день к Ростовым, признание Пьера в своей любви к Наташе, визит Пьера к Ростовым, чтобы «высказать свою радость», ночной

разговор Наташи с матерью, вечер у Бергов и далее до предложения князя Андрея и отъезда его к отцу в Лысые Горы, а затем за границу — в такой последовательности создавалась сюжетная линия четвертой части ранней редакции. Много трудился Толстой, стремясь психологически точно передать чувства Наташи и князя Андрея после их встречи на бале и вплоть до обручения и душевное состояние Пьера, который, испытывая всё растущее чувство любви к Наташе, боролся с ним.

Толстой подошел к пятой части. Центр ее — эпизод Наташи с Анатолем». Но этому предшествовали картины отраденской жизни Ростовых, приезд их в Москву и жизнь в Москве старого князя Болконского и княжны Марьи. Появившийся в это время конспект опять рассказывает, как много было уже обдумано Толстым.

Первым вступает в действие Николай Ростов, который «сидел в полку эскадронным командиром. Он испытывал то перемещение интересов и ту военную поэтическую праздность, которую нельзя описать, ежели не испытал ее». Жизнь Николая в полку прерывается письмом матери: «Отец медлит, дом не продан, приезжай, помоги нам». «Вдруг весь взгляд на вещи изменился: награды, эскадрон, песенники далеко, впереди только дом, Наташа, Соня». Таков конспект. Нетрудно вспомнить, что именно так развивалось действие и в законченном романе. Отражены в этом конспекте и гнев Николая Ростова на управляющего Митеньку, и тоска Наташи после отъезда князя Андрея за границу, ее требование: «дайте мужа»; намечена и охота. Заканчивается конспект отъездом старого графа с Наташей в Москву, где произошла ее встреча с Анатолем. «Наташа кокетничает», она «пишет письмо Андрею, что она погибла». Программа ясная. По намеченному эскизу создавалась картина жизни Ростовых в деревне и затем в Москве; приезд Николая Ростова в отпуск, жизнь семьи в Отрадном, охота, святки, возвращение Николая в полк, отъезд графа с Наташей и Соней в Москву, — всё это не только по композиции, но и по содержанию почти совпадает с законченным текстом.

Интересно привести лишь несколько разночтений. В ранней редакции картину отраденского быта Ростовых дополняют слепой сказочник, который «рассказывал на ночь графине сказки»⁴³, и «два шута в золотых бахромах», которые «приходили к столу и чаю и получали полоскательные чашки с чаем, с сахаром» и «говорили свои заученные, мнимо смешные речи, которым из снисходительности улыбались господа». На святках ряженая молодежь Ростовых едет не к соседям Мелюковым, а к дядюшке, и о гаданиях им рассказывает Анисья Федоровна. Богатая невеста, на которой ради поправления дел графиня хотела женить Николая, была не Жюли Карагина, как в завершённом тексте, а Жюли Ахросимова, которая в одном из набросков начала романа упоминалась среди гостей Ростовых и пока еще оставалась в числе его персонажей.

От Ростовых автор переходит к тем лицам, с которыми Наташа встретится в Москве, — к Пьеру, к Болконским (старому князю и княжне Марье), тоже находящимся в это время в Москве.

Как всегда, когда действие переходило к Пьеру, на первое место выступала психологическая тема, отнимавшая у автора много творческих сил. Предстояло поведать об углубляющихся сомнениях Пьера в масонстве, о его душевных тревогах, связанных с любовью к Наташе. Как он ни боролся со своим чувством, оно усиливалось и особенно волновало Пьера после обручения Наташи с князем Андреем. В первой редакции эти вопросы в теме Пьера не были решены, но были уже достаточно развиты.

Без больших поисков складывались картины жизни в Москве княжны Марьи с отцом, который «сделался тотчас же предметом особенной почтительности москвичей и центром московской оппозиции правительству». Близки к окончательному тексту описание обстановки их старинного дома, рассказ о «внутренней домашней жизни», которая за последнее

время стала так мучительна для княжны Марьи, что «она уже не скрывала от себя тяжесть своего положения». Откровенная беседа княжны Марьи с Пьером о себе, ее расспросы о Наташе, сцена обеда в день именин старого князя, разговор за обедом на политические темы,— всё было найдено при работе над первой редакцией произведения.

Только один эпизод, важный для образа старого князя Болконского, — его столкновение с «вошедшим в моду» французским доктором Метивье, — по форме отлучился, но по существу уже тогда был решен: старый князь, «войдя в бешенство», выгнал доктора с криком: «Вон! Шпион! Вон!»

В пятой части немалое место заняли Друбецкие. Расчетливый брак Бориса Друбецкого и Жюли контрастен высокой любви князя Андрея к Наташе. Все детали женитьбы Друбецкого как в завершённом романе, так и в ранней редакции направлены только на то, чтобы показать, что Жюли было нужно «сделаться женою флигель-адъютанта», а Борису брак нужен был «для того, чтобы с меланхолической невестой получить нужные три тысячи душ в Пензенской губернии».

Осветив жизнь некоторых московских обитателей, показав затем «общество кутил», «холостого мужского света», где первенствовали Долохов и Анатолий Курагин, Толстой вернулся к Ростовым. Самый замысел «истории Наташи с Анатодем» возник у него буквально в первые же дни работы: «Деревня. Анатолий [Михаил], влюбление, падение» (т. 13, с. 19). Но долго не находилась форма для этого важного «узла», как называл его писатель. И, подойдя теперь к этому «узлу», Толстой, видимо, не мог его «развязать» и ограничился пока конспективным наброском: короткая сцена в театре, где Анатолию приглянулась Наташа. Их знакомство происходит при совершенно иных обстоятельствах, чем в законченном романе. По ранней редакции события развернулись в Отрадном, куда старый граф пригласил Анатолия, познакомившись с ним в Москве. Наташа признается Соне в своей любви к Анатолию. Соня требует объяснений у Анатолия, обвиняя его в непорядочности. Анатолий уезжает, а Наташа пишет князю Андрею письмо с отказом. Тут многое не досказано, узловым эпизод личной жизни героев остался недоработанным.

Катастрофа с Наташей, пока еще только намеченная, — последняя тема пятой части ранней редакции. Толстой отметил конспективно и реакцию князя Андрея: узнав об измене Наташи, он был озлоблен «на весь мир».

Оставив почти в конспективном виде окончание пятой части, Толстой перешел к шестой. В начале ее описана жизнь князя Андрея весной 1812 г. в Турции, где он, отказавшись от штабных должностей, которые ему предлагал Кутузов, служил командиром батальона пехотного полка (этот эпизод не дошел до окончательного текста). Князь Андрей не переставал мечтать о Наташе и намеревался оставить военную службу, чтобы скорее начать новую жизнь с нею (об измене Наташи он еще не знал). Тема князя Андрея закончилась письмом Пьера, в котором «рассказывалась неосторожно история падения Сперанского и всех планов конституции и писалось о предстоящей войне 1812 года». Письмо взволновало князя Андрея. Первая мысль его была: «Неужели он не примет участия в этом деле, решающем участь отечества?» В конспекте, которым закончилась предыдущая часть, отражено и настроение Николая Ростова в это же время: «Отечество прежде всего».

Итак, тема Отечественной войны 1812 года уже вошла в роман, но Толстой пока не стал ее развивать. Надо было доработать судьбы «вымышленных» героев, которым предстояло быть участниками войны. На них и сосредоточилось внимание писателя. Толстой, ограничившись пока пространном конспектом второй половины всего романа, включая эпилог, вернулся к неудававшемуся ему «эпизоду Наташи с Анатодем». Пожалуй, ни одна из военных сцен, ни одно из рассуждений о войне и военной истории (кроме второй части эпилога) не требовали такой сложной многократной перестройки, как этот эпизод, о чем красноречиво свидетель-

ствуют листы автографа. Лишь после долгих творческих исканий был найден психологически правдивый поворот темы, хотя в тексте, созданном на этом этапе, есть еще значительные отличия от завершенного.

Вслед за «историей Анатоля с Наташей» идет рассказ о пребывании князя Андрея в Турции. Там он получил письмо Наташи с отказом, и вновь тревожные сомнения: «что же правда?» — захватили его. Всю ночь князь Андрей «ходил по двору, глядя на комету, которая как будто разметалась и уперлась на одном месте, подняв кверху хвост. Князь Андрей с Аустерлицкого поля выучился смотреть на далекое небо, понимать его и находить в нем успокоение. „Да и это было заблуждение, — думал он, — как и прежние. Но что же правда, где же то, чего нужно моей душе, то, про что говорят мне эти звезды и остановившаяся, влещившаяся комета?“».

Князь Андрей возвращается в Россию. Пьер тщетно убеждает его простить Наташу. Через Пьера князь Андрей возвращает Наташе ее письмо и портрет. И после всего пережитого Наташей Пьер больше не скрывает своей любви к ней.

Так закончилась первая половина романа. Личные судьбы «вымышленных» героев к началу 1812-го года прояснились. Предстояло художественное отображение «славной для России эпохи», интерес к которой и породил замысел «Войны и мира».

Узловые моменты военной темы определились в конспекте: «Наполеон подходил к Неману, война неизбежна». «Смоленск взят». «В Москве приезд государя». «Московское собрание». «Бородино». «В. Денисов партизан». «Государь завидует Кутузову». Кроме основных исторических вех, довольно подробно намечена жизнь различных кругов общества и главных персонажей.

Старый князь Болконский «сидит с Bourienne, и забота мучает его больше и больше. Вооружает, укрепляет». После известия о том, что «Смоленск взят и занята деревня французами», у старого князя ночью наступает горячка, и он умирает. Княжна Марья, услышав от м-ль Бурьенн, что «Бонапарт идет в Лысые Горы и что одно средство — принять», немедленно «сзывает людей и вооружается». Намечалось, что в это время приезжает князь Андрей и «увозит ее дальше». Но тут же возникает другой замысел: княжна Марья сообщает брату о положении в Лысых Горах, но он отвечает, что «не может и едет в Смоленск». Обращают на себя внимание записанные здесь же слова княжны Марьи: «Тихон, скажи, как это стреляют?» Видимо, у Толстого мелькнула мысль заставить княжну Марью активно действовать при появлении французов. О князе Андрее узнаем, что после Наташиного отказа он «написал просьбу о своем определении в действующие войска»; известно также, что он поехал в Смоленск. Нет никаких планов относительно роли князя Андрея при Бородине, есть намек на встречу раненого князя Андрея с Наташей и, наконец, совсем другой финал личной темы: выздоровев после ранения, князь Андрей узнает, что Пьер любит Наташу, «уступает» ее ему, «плачет и уезжает».

Еще скупее, нежели князь Андрей, представлен в конспекте Пьер. В Слободском дворце, на собрании купцов и дворян, он «кричит ура»; в Бородине «ездит под огнем»; приезжает в Тамбов, куда выехали Ростовы, «и вдруг узнает, что может любить». Дополнительная запись, важная для образов князя Андрея и Пьера: «Пьер *говорит* о самопожертвовании, а Андрей делает, не говоря».

О Ростовых узнаем: в московском собрании старый граф «сзади продирается, не слышит о чем, но плачет и кричит»; после Бородина «Ростовы слышат гул, и привозят им раненых»; «Ростовы уехали в Тамбов». Отдельно намечена линия личной жизни Николая Ростова. Родители получают от него письмо из Лысых Гор. «Он любит княжну Марью»; «Nicolas Ростов и княжна Марья обручены, получили согласие брата».

Несмотря на краткость заметок, достаточно выразительно выступает в конспекте высшее петербургское общество: «Шерер. Румянцев. Князь Василий за мир». «Растерянность, ненависть к Кутузову».

По этому конспекту развивалось действие в первой редакции. По мере расширения исторического действия историко-философские отступления стали занимать всё большее и большее место. Вся сюжетная схема от перехода Наполеоном границы до приезда Кутузова в Царево-Займище в качестве главнокомандующего полностью совпадает с главами завершённого романа.

Повествование о 1812 году начато обзором политических событий в канун войны. В обзор включены полностью письма, которыми обменялись Наполеон и Александр весной 1812 г. Опираясь на эти письма, Толстой развивал свои рассуждения о фатальности истории и заключил обзор выводом: «То, что имело совершиться, должно было совершиться».

Вновь Толстой ищет, как начать действие. В первом наброске оно открывается сценой гулянья в Вильно (где около месяца находился Александр I с военным двором), которое происходило 11 июня, то есть накануне того дня, когда Наполеон перешел русскую границу. Здесь Борис Друбецкой «в с иголочки новом мундире с одним эполетом и аксельбантом, с той гордой и спокойной особенностью придворного молодого человека, для которого мир существующий ограничен весьма малым количеством придворных людей», встречается с *Hélène*, которая сидела «в шелку, кружевах» в коляске, запряженной «великолепным польским цугом», и была окружена генерал-адъютантом и графом польским и русским. Борис подошел к ней (Толстой особо останавливается на этом), «потому что хорошо было с ней иметь вид близкого». Они поговорили о предстоящем бале, который придворные затеяли дать государю в «преlestном загородном доме» Бенигсена; она обещала ему второй котильон, и они разошлись.

По первому наброску ясна намеченная для Бориса и Элен роль в великом историческом событии: они — с придворными кругами. «*Une femme du monde — она, un homme du monde — я*»,⁴⁴ — так думал об Элен и о себе Борис Друбецкой.

От сцены праздничного гулянья Толстой намеревался сразу перейти к вечернему балу, но, не докончив первой фразы, изменил план — решил резче подчеркнуть контрастный смысл событий: парадному гулянью в Вильно противопоставить событие на Немане. «В то же самое утро, как происходило гулянье в Вильне, в это особенно замечательное прекрасной летней погодой после грозы утро 11 июня польский майор Сухаржевский, в первый приезд *Hélène* в Бартенштейн очень близко знакомый с нею, теперь, находясь в службе императора Наполеона и отделенный от *Hélène* и всего русского, несмотря на близость расстояния, больше чем океаном — цепью часовых, — стоял с своим полком недалеко от Ковно на берегу Немана». Затем дается картина того, как Наполеон готовится перейти через Неман. Уже много сказано. Ясна оторванность придворных кругов России от жизни страны. В то время как в аристократических кругах ничто не предвещало тревоги, Наполеон переходит русскую границу.

Блестящее гулянье и предстоящий придворный бал, с одной стороны, и начало войны — с другой, создают нужный автору контраст. Очень важно для основной мысли автора противопоставление: «особенно замечательное прекрасной летней погодой после грозы утро» — и начинающаяся война, то есть событие, которое, как говорит Толстой в своих рассуждениях, «противно самому человечеству и потому не может происходить по его воле».

Это начало было заменено другим: 11 июня 1812 г. Наполеон вместе с Бертье приезжает к стоявшему у Немана полку улан; оно и вошло в окончательный текст романа. Но там лишь кратко изложено решение Наполеона перейти Неман, в ранней же редакции подробно рассказано

о его настроении в это историческое утро: Наполеон находился «в том же состоянии, в каком он был в памятное утро Аустерлицкого сражения». Вслед за этим эпизодом — бал, на котором русский император узнает, что французские войска перешли Неман. Описание первых дней войны (отъезд Балашова к Наполеону, встреча его с Мюратом, характеристика Даву, прием Балашова маршалом Даву и затем Наполеоном) почти дословно совпадает с окончательным текстом. Пока нет только внешнего портрета Наполеона, но раскрыто его внутреннее состояние, показано, с каким волнением готовился он принять Балашова.

Почти дословно совпадают с окончательным текстом сцены приезда в Москву Александра I, встреча его на Красной площади, восторг Пети Ростова, находившегося в толпе народа, прием дворян и купцов в Слободском дворце. Настроение Пьера после этого собрания настолько естественно вытекало из его характера, что Толстой легко нашел форму для его выражения. Так же стройно вылился рассказ о первых впечатлениях князя Андрея, приехавшего в главную квартиру в Дриссе (различные партии в армии, план кампании, теоретик Пфуль, военный совет). Под впечатлением всего увиденного князь Андрей решает не служить в штабе, а перейти в полк. «Роль полководца завидная, солдата — благородная», — отметил Толстой на полях словно мысль, приведшую князя Андрея к этому решению.

Николай Ростов «храбр в Островно» — отмечено в наброске плана. Картина сражения при Островно создавалась в первой редакции и не подвергалась позднее серьезным изменениям.

«Жизнь Наташи в эти дни наполнили два чувства: религия и патриотический подъем — возмущение против Наполеона, осмелившегося презирать Россию и дерзавшего завоевать ее». Она «в первый раз сознала в себе новое чувство ненависти к врагу, оскорбленной гордости к французам за своих, за русских, за дядюшку, за папеньку, чувство, которым, — подчеркивает Толстой, — она давно уже жила, сама не зная этого».

Пьер в эту пору бывает часто у Ростовых, рассказывает Наташе о военных событиях, о предсказаниях апокалипсиса и делает вычисления, связанные с его именем.

События начального периода Отечественной войны, до занятия Смоленска, составили в первой редакции романа шестую часть. Седьмая часть посвящена кульминации войны, событиям, происходящим в августе 1812 г., от взятия Смоленска до Бородинской битвы включительно. Начинается седьмая часть историко-философскими рассуждениями о роли исторических, главным образом военных, деятелей и итоговым обзором первого периода войны, изображенного в предыдущей части.

«Что должно было совершиться, то должно было совершиться», — так начал Толстой свои рассуждения. Ведущая мысль их, что это «военное дело более всего подлжит муравейным неизбежным законам». Показав, при каких условиях неприятель проник в глубь России, Толстой заключил обзор следующим выводом: «Так надо было... Это надо было для того, чтобы поднялся народ». Вот что писатель стремился показать уже в первой редакции.

За авторским обзором следует рассказ о Лысых Горах, об отъезде Алпатыча в Смоленск, о Ферапонтове, о бомбардировке Смоленска, о встрече Алпатыча с князем Андреем, который отступал позади своего полка. Впечатления Алпатыча ранее были намечены так: он «сидел у ворот и смотрел, ни во что не верил, даже в бомбы, — это не очаковские — всё пустяки, и бомбы не посмели тронуть его. Он верит в победоносность русских». В этом направлении создавался теперь эпизод пребывания Алпатыча в Смоленске.

В отличие от окончательного текста, Алпатыч не только наблюдает, как жители уничтожают свое имущество, но сам активно действует. Правда, в первой редакции не было еще художественной картины бом-

бардировки города и ухода жителей, а только конспективно изложенные впечатления Алпатыча.

Интересны эпизоды, не дошедшие до печати: в Смоленске в качестве городничего появляется капитан Тушин с оторванной рукой. Он случайно в этот день приехал в Смоленск и «ходил под ядрами с своей трубкой и завидуя раненым; запах пороха возбуждал в нем тревожное военное чувство, и он завидовал тем, которые дрались». Лишь намечена сцена встречи Алпатыча с радостно-возбужденным князем Андреем. На полях помета: «Князь Андрей в свете огня радостен». Всё это те элементы, из которых создалась позднее волнующая картина народного гнева при сдаче Смоленска. Однако Толстой не задерживается на обработке этого раздела, а ведет повествование дальше.

Действие переносится в Лысые Горы. Старый князь, возбужденный после возвращения Алпатыча из Смоленска, приказывает княжне Марье с Николушкой ехать в Москву, а сам решает оставаться в Лысых Горах. Всё это по содержанию близко к окончательной версии. Отличие от нее: старый князь умирает от первого удара в Лысых Горах, княжна Марья с племянником и гробом отца уезжает в Богучарово. На похоронах князя присутствует Тушин, «к которому потом княжна Марья естественно было обращаться за советом и помощью». Когда княжна Марья, разгневанная письмом французского полковника, убеждающего ее остаться, решает «умереть, дожидаясь помощи, но не сдаваться», в событиях опять участвует Тушин. Описан совет между Тушиным, Алпатычем и Дроном, сходка богучаровских крестьян, которые уже «были готовы принять Наполеона, освобождавшего их и платившего по 10 рублей за воз хлеба фальшивыми ассигнациями. Но, когда услышали слова княжны Марьи и Тушина, один поближе ловко и удобно сумел выразить, что они — куда княжна, туда и они, и все заговорили то же и разошлись с мыслью, что они молодцы».

Толстому, видимо, хотелось найти для Тушина, истинного героя войны 1805 года, роль и в дальнейшем действии; поскольку он не мог из-за увечья участвовать в войне, Толстой нашел ему место в тылу и, видимо, не случайно включил его в круг жизни Болконских, как бы продолжая тем самым роль Тушина в войне 1805 года и в жизни князя Андрея. В окончательном тексте Тушин в 1812 году не появляется. Он остается среди центральных героев первой войны и лишь упоминается после Отечественной войны. Николай Ростов, приехав к Денисову в госпиталь, увидел «маленького, худого человека без руки, в колпаке и больничном халате с закушенной трубкой», — это был Тушин (т. 10, с. 138).

Первоначально после богучаровской сходки следовал рассказ о движении французов к Москве, эпизод встречи Наполеона с Лаврушкой, затем был показан Петербург того времени. Остановившись на этом, Толстой вернулся к Болконским, вписав главу о приезде князя Андрея после отступления из Смоленска в опустевшие Лысые Горы. Несколько изменены были и богучаровские события. Теперь в имение Болконских случайно приезжает Николай Ростов. Он-то и выручает княжну Марью.

Французский историк Тьер упоминает о встрече Наполеона с русским пленным казаком. Толстой ввел этот случай в свой роман, поручив роль пленного казака денщику Николая Ростова Лаврушке. Эпизод этот создан легко и как в окончательном тексте, так и в ранней редакции помогал едко высмеивать Наполеона.

Так же без особого труда были созданы картины петербургской придворной жизни, где в гостиных толковали о назначении Кутузова главнокомандующим. Намечая в одном из конспектов салонные разговоры о Кутузове, Толстой записал: «Кутузов делает свое дело и едет». Приездом Кутузова в Царево-Займище начинается следующий раздел, в котором действие вновь перенесено на военные позиции. После свидания с Кутузовым князь Андрей почувствовал успокоение, он понял, что тот сделает всё, что нужно «для общего дела». И «на этом же чувстве, — пишет Тол-

стой, — которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало избранию Кутузова в главнокомандующие». При всех своих тревогах о сестре и сыне, которые после смерти отца остались «без покровительства», князь Андрей решил остаться в армии, «исполняя долг и защищая отечество».

Дальнейшее, вплоть до Бородинского сражения, хотя и содержит основные вехи повествования, известные по законченному роману, значительно отступает от него по содержанию и композиции. Сцены приезда Кутузова к армии сменились сценами с участием Наполеона в канун Бородина. Почти карикатурно представлена его внешность. Чрезвычайно интересен не дошедший до печати эпизод атаки на Шевардинском редуте. Нет картины самой атаки, нет ни намека на действия сражающихся. Тон рассказа определяется хорошим настроением Наполеона, который легко дал распоряжение об атаке, «слез с лошади, чтобы спокойнее любоваться зрелищем», и, после того как было «убито и ранено около 10 тысяч человек с обеих сторон», ему подали лошадь, «и он шагом поехал ужинать». За такой якобы спокойной картиной атаки последовали взволнованные раздумья автора о Шевардинском редуте и Бородинском сражении.

Сюжет подведен к центральному событию Отечественной войны — к Бородинской битве. Сложившаяся к тому времени обстановка в стране освещена разносторонне. Показан Петербург с его придворными кругами и светскими салонами, где болтали о войне и о Кутузове; рассказано о патриотическом народном подъеме в Смоленске; обрисована штабная среда, захваченная только личными интересами, и на этом фоне резко выделяются тревоги и размышления князя Андрея, его решение служить в армии, а не в штабе; развенчан Наполеон и возвышен Кутузов, который был именно тем, кто в данный период войны был нужен.

Ничего еще не было сказано о московском обществе в эту пору, о Ростовых, о Пьере. Теперь рассказ перешел к Москве. «24 августа 1812 года вечером узналось в Москве, что французы в 60 верстах по Смоленской дороге и сражаются с русскими. В Москве уже всё волновалось, каждый день выходили растопчинские афишки, иностранцы все были высланы, скоро должен был быть готов шар, который полетит в лагерь французов, и многие уезжали по направлению к Нижнему и Тамбову».

Пьер приходит к Ростовым. Когда он сказал, что едет в армию, Наташа «изменилась и не спускала с него глаз». Пьер, в эти дни испытывавший «радостное беспокойное чувство» оттого, что разрушается, наконец, «ложный, но всемогущий быт, который заковал его», решает ехать к армии, чтобы «своими глазами увидеть, что такое война». Поймет это Пьер не при объезде позиций вместе с генералом Беннигсеном в канун боя, а при встречах с солдатами и более всего в беседе с князем Андреем. Над этой беседой, которую в одной из записей Толстой назвал «философией Пьера и Андрея», он упорно работал. Мысли писателя о войне, высказанные в его исторических рассуждениях, почти дословно повторял в раздражении князь Андрей накануне боя. Он говорил о войне, о военной истории, о славе, о неизменных законах, по которым всё делается, о ничтожности штабной верхушки, представители которой думают, что они решают судьбы России, и, главное, о том, что нынешняя война не та, что прежние войны. «Теперь, когда дело дошло до Москвы, до детей, до отцов, — мы все, от меня и до Тимохина, — мы готовы». Так сложилось уже в ранней редакции.

Наутро произошло Бородинское сражение. Нет еще ни подробных данных о расположении войск, ни плана сражения, ни развернутой картины боя в разгар его, мало еще действия. Картина Бородина составляет пока только из разрозненных впечатлений Пьера. Уместно привести тут конспективный набросок: «В Бородине — Пьер впереди на редутах, бежит, наступает, бежит, наступает, бежит, наступает, бежит и вдруг сзади: „ура“. Багратион ведет своих и князь Андрей» (т. 13, с. 40). Уже про-

ясняется, как трактует писатель центральное событие Отечественной войны. На строгих лицах людей, занятых «каким-то невидимым, но важным делом», Пьер видел «отпечаток озабоченности»; он вслушивался в звук выстрелов, и ему казалось, что они раздаются близко и торжественно. Князь Андрей (Пьер увидел его скачущим впереди полка) «задышался от волнения и радости, двигаясь вперед». В минуту наивысшего душевного подъема князя Андрея ранят.

Как был в ранней редакции освещен дальнейший ход сражения, были ли изображены Кутузов и Наполеон во время боя, сказать нельзя, так как двенадцать страниц автографа утрачены.

Окончание Бородинского сражения, как и начало его, показано под углом зрения Пьера, который к концу сражения «устал, устал физически и нравственно» и не мог «ни двигаться, ни думать, ни соображать. На всех лицах, которые он видал, одинаково на тех, которые шли туда и которые возвращались, была видна такая же усталость, упадок сил и, главное, сомнение в том, что они делали».

Далее — авторское отступление, которое как бы развивает переживания Пьера: «Собрались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных и на изнуренных, и на сомневающихся людей, как будто он говорил: „Довольно, довольно, люди, перестаньте, опомнитесь, что вы делаете?“ Но нет, хотя уж к вечеру сражения люди чувствовали весь ужас своего поступка, хотя они рады бы были перестать, уже истощив свою потребность борьбы, но данный толчок еще двигал этим страшным движением, запотелые, в порохе и крови, оставшиеся по одному на три, артиллеристы, хотя и спотыкаясь от усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили, и злые холодные ядра так же прямо, и быстро, и жестоко перелетали с обеих сторон и расплюскивали человеческое тело». Этот отрывок почти дословно вошел в завершённый текст. Заканчивается авторское отступление выводом: «Русские отступали с половины позиции, но стояли так же твердо и стреляли остающимися зарядами».

Определилось самое для Толстого важное: роль главного героя, дух армии. После того как Наполеон «с покрасневшим от насморка носом» выехал за Шевардинский редут и, глядя на «густые колонны русских», распорядился продолжать бой, «350 орудий продолжали бить, отрывать руки и ноги и головы у столпившихся и неподвижных русских». Мысль о непоколебимости, стойкости и мужестве русского войска с большой силой прозвучала уже в ранней редакции романа.

Всё меньше становится в ранней редакции законченных художественных сцен, чаще и чаще стройное повествование прерывается конспектами, авторскими рассуждениями. Поля рукописи пестреют набросками дальнейшего повествования. Толстой как будто торопится хотя бы в основных чертах довести произведение до конца. Однако все главные эпизоды, знаковые по окончательному тексту, намечены, а некоторые даже в какой-то мере разработаны: жители оставляют Москву; раненые во дворе Ростовых; порыв Наташи; старый граф, взволнованный поступком дочери, громко, весело кричит: «Швыряй, к чёрту, с подвод, накладывай раненых!». Среди раненых князь Андрей, но Наташа «не знала, кто лежит, умирая около нее». Пьер решает остаться в Москве, чтобы убить Наполеона, «виновника всех злодеяний». Встречи Пьера с Наташей у Сухаревой башни еще не было, но она уже была предусмотрена. В день ухода жителей из Москвы Пьер приходит к Ростовым, осмелившись теперь, когда «все на краю гроба», признаться Наташе в своей любви.

Изображение жизни светского Петербурга в эти трагические для России дни, жизни «спокойной, роскошной, тщеславно пустой», которая, независимо от «опасного и трудного положения государства», шла по-старому, дошло до окончательного текста почти без исправлений.

Совсем эскизно намечено дальнейшее действие, но голос автора звучит с прежней силой. Рисуя Наполеона, глядящего на «знаменитый азиатский город», Толстой комментирует: «Этому узкому уму ничего не представилось, кроме <...> добычи и его великого завоевательства», и он «с хищной и пошлой радостью смотрел на город». Пьер в опустевшей Москве и затем в плену показан пока совсем по-иному, чем в окончательном тексте; нет еще Платона Каратаева, упомянут лишь солдат-сосед, научивший Пьера завязывать веревочкой на пиколотках «серые чужие панталоны».

Для окончания романа создана только развернутая канва. В нее вошли рассуждения автора о фланговом марше Кутузова, описание хода войны после бегства французов из Москвы, Тарутинский лагерь, «неимоверный беспорядок и растерянность во французском войске, дух которого уже упал, когда они подходили к Москве», и «еще больше упал вследствие пожаров и грабежей московских». Кутузов же уверен в победе. «3-го числа, когда Кутузову сказали, что французы выступили из Москвы, он захлипал от радостных слез» и, перекрестясь, сказал: «Уж заставлю же я этих французов есть лошадиное мясо, как турок». Не столько по объему, сколько принципиально большое место уделено партизанским отрядам, которые «брали по 10 тысяч пленных, не теряя 100-й доли людей. А кто был на войне, тот знает, что только бегущего раненого медведя можно безобидно убить рогатиной, а не целого и смелого, Кутузов один знал это». Показаны Петя Ростов в отряде Денисова, отряд Долохова, Тихон Шестипалый (вместо Щербатова), русские пленные на походе, и среди них Пьер и старый солдат, который ослабел, отстал и был пристрелен (в завершенном романе так кончится жизнь Каратаева). Отряд Долохова, захватив дело Бланкара, освобождает партию пленных и среди них Пьера. Пьер приезжает в Тамбов, когда князь Андрей, оправившись от ранения, уже вернулся в армию, он встречается с Николаем и Петей Ростовым в Вильно, где стояла армия. «Петя милый, живой, счастливый восторженный юноша, еще с переменами детского и мужского голоса. Решается и пишет предложения. Смотр. Ты сер, а я, брат, сед и захлипал, а Петя еще больше. Ура. 100 тысяч голосов», — так конспективно наметил Толстой (т. 13, с. 39) и воспользовался этим конспектом для завершения ранней редакции. Кутузов прощается с войсками, при этом присутствуют князь Андрей, Николай и Петя Ростов. Кутузов поздравил войска с победой. «„Из 500 тысяч нет никого, и Наполеон бежал. Благодарю вас. Бог помог мне. Ты, Бонапарт, волк,— ты сер,— а я, брат, сед“⁴⁵, — и Кутузов при этом снял свою без козырька фуражку с белой головы и нагнул волосами к фронту эту голову... „Ураа, аааа!“ — загредело 100 тысяч голосов, и Кутузов, захлебываясь от слез, стал доставать платок».

В обращении Кутузова к войскам включены слова из басни Крылова «Волк на псарне», которая была опубликована в № 2 «Сына отечества» за 1812 г. По словам одного из современников, Крылов «собственной рукой переписал басню, отдал ее жене Кутузова; она отправила ее в своем письме. После сражения под Красным Кутузов прочитал басню собравшимся вокруг него офицерам и при словах: „А я, приятель, сед“, — снял свою фуражку и потряс головой»⁴⁶.

Рукопись завершилась конспектом части эпилога, относящейся исключительно к личной жизни центральных героев. Намечены две свадьбы: Пьера с Наташей и Николая Ростова с княжной Марьей; отъезд Николая Ростова в полк, с которым он вступил в Париж, «где он вновь сошелся с Андреем». Вся семья Ростовых, Пьер с Наташей и графиня Марья с племянником Николенькой Болконским прожили лето и зиму в Отрадном, дожидаясь возвращения Николая Ростова и князя Андрея.

«Конец» — крупными буквами написал Толстой на последнем листе рукописи.

Две части, опубликованные в «Русском вестнике» под заглавием: «Тысяча восемьсот пятый год»⁴⁷, и непосредственно продолжившие их

Война и Мир
Минутский Точкарь,

С Михаилом Николаевичем.

Она твоя была, а не в то время, как
мы устроились в то время, что и совсем
отдали в Минутский Точкарь, что
написано в том же виде, как и сейчас.
Война и мир
Тысяча восемьсот пятый год, на суду
у нас, а не в то время, что и сейчас.
Тысяча и восемьсот пятый год, на суду
Тысяча и восемьсот пятый год, на суду
и окончил в том же виде, как и сейчас.
Тысяча и восемьсот пятый год, на суду
Тысяча и восемьсот пятый год, на суду
Тысяча и восемьсот пятый год, на суду
Тысяча и восемьсот пятый год, на суду
Тысяча и восемьсот пятый год, на суду
Тысяча и восемьсот пятый год, на суду

ПИСЬМО ТОЛСТОГО М. Н. ЛАВРОВУ, СЛУЖАЩЕМУ В ТИПОГРАФИИ КАТКОВА,
ОТ 24—25 МАРТА 1867 Г.

Проект договора на отдельное издание «Войны и мира» (предполагалось издание в тип. Каткова). Текст написан неизвестной рукой. Название «Война и мир» вписано Толстым над зачеркнутым им же названием «Тысяча восемьсот пятый год»

две большие рукописи, содержание которых кратко изложено выше, и составляют первую полную редакцию, создававшуюся в течение трех лет.

Однажды Толстой сказал, что «когда он в своих писаниях подписывается, то следует всё переписать, чтобы иметь полный экземпляр в окончанном виде, а то он иногда начинает вновь, переправляя, путается, а к прежнему не может вернуться, так как оно уже испачкано и искалено»⁴⁸. Текст настоящей публикации и есть результат попытки всё переписать и воссоздать «полный экземпляр» ранней редакции «Войны и мира» в «оконченном виде».

Что же представлял собой роман в его первой завершённой редакции? Был ли окончательный текст романа «Война и мир» в корне отличным от этого первоначального варианта или органично развивался из него? Чтобы уяснить это, необходимо установить, каковы отличия ранней ре-

дакции от окончательного текста романа и что общего между ними. Для изучения истории создания любого произведения в равной мере важно определить, что удалось автору сразу и что потребовало напряженного творческого труда.

Сравнивая первую полную редакцию «Войны и мира» с окончательной, убеждаемся в следующем: хронологические границы в ранней редакции те же, что и в окончательной: лето 1805 года — конец 1812 года. Нет только последних семи лет, обзору которых посвящены первые главы законченного эпилога. Географический охват тот же: действие происходит в Петербурге, в Москве, в деревне (Лысые Горы, Богучарово, Отрадное) и во всех пунктах, в которых происходили основные военные действия в 1805—1812 гг. Отобраны те же исторические факты, но только не все они еще разработаны с одинаковой полнотой, а некоторые лишь конспективно намечены. В то же время в ранней редакции полно освещены такие военные события, которые в окончательном тексте только упоминаются. Таковы, например, подробные описания сражений под Кремсом, Амштетеном, Ламбахом, анализ плана сражения под Аустерлицем и другие. В самом отборе и, главное, в осмыслении исторических фактов с достаточной ясностью выражены идейные позиции автора.

Все исторические лица, действующие в «Войне и мире», участвуют в ранней редакции романа в тех же ролях и с теми же авторскими оценками. Из «полувымышленных» героев все не только главные, но второстепенные и даже эпизодические персонажи участвуют в ранней редакции; нет только Платона Каратаева.

Ранняя редакция «Войны и мира» — это многоплановое произведение. В историко-философских рассуждениях голос автора уже звучит громко и отчетливо. Писатель дает теоретическое обоснование своих взглядов на историю, дополняя ими художественное воплощение исторических событий. Публицистические отступления не ощущаются как нечто инородное в художественной ткани произведения, а составляют с нею единое целое. Завершив роман в его первоначальном виде «благополучным» для героев окончанием войны, Толстой дал ему бессмертное название: «Война и мир».

Как возникло это название? В рукописях романа его нет. Оно впервые упоминается в письме А. Е. Берса С. А. Толстой от 9 марта 1867 г. В рукописях встречаются два названия: «Три поры» — так озаглавил Толстой один из самых ранних вариантов начала, затем: «С 1805 по 1814 год» — название двенадцатого варианта начала; в 1866 г., когда роман в его первой редакции близился к завершению, у Толстого появилась мысль назвать свое произведение: «Всё хорошо, что хорошо кончается». Только год спустя было, наконец, найдено название «Война и мир». Первый раз оно собственноручно написано Толстым в проекте договора с Катковым на печатание романа, составленного тотчас же после окончания его первой полной редакции (т. 61, с. 163—164). В журнальном оттиске первой части, который служил наборной рукописью для первого отдельного издания, поверх напечатанного названия «Тысяча восемьсот пятый год» неизвестной рукой вписано красным карандашом новое: «Война и мир».

По поводу названия романа высказывались различные догадки. Возникло предположение, что оно могло быть подсказано выражением из книги С. Глинки «Записки о 1812 году»: «мир и война шли рядом». Другое предположение связывает название романа Толстого с исследованием Прудона «La guerre et la paix», русский перевод которого вышел в 1864 г. под названием «Война и мир»⁴⁹. Документально ни одна из догадок не подтверждается. Известно лишь признание Толстого: «Названный вообще я никогда не умею придумывать и приписываю большей частью, когда всё написано» (т. 61, с. 242). Не всегда так случалось; например, для двух следующих романов название определилось на более ранней стадии работы. Но, действительно, так вышло с «Войной и ми-

ром». Название романа было «придуманно» или «прискано» уже по завершении первой редакции.

О его происхождении можно выдвинуть еще одну догадку. В проекте договора с М. Н. Катковым Толстой написал название: «Война и миръ», то есть через *i*. Одно из понятий слова «миръ» — это все люди, весь свет, весь народ. Можно допустить, что, давая название произведению, главным героем которого является народ, Толстой имел в виду не «мир» — как противопоставление войне, а вкладывал в него понятие общей жизни всех людей, всего народа. Такую догадку позволяет выдвинуть также и то, что в тексте романа слово «миръ» неоднократно употребляется в смысле «народ».

«Наташа любила слышать „міромъ госпуду помолимся“, думая, как она соединяет себя в одно с міромъ кучеров и прачек». Так было в ранней редакции. Этот текст потом уточнялся: «Она старалась понимать и счастлива была, когда она понимала некоторые слова, как „міромъ госпуду помолимся...“ Она понимала их по-своему. Міромъ значит наравне со всеми, со всем міромъ». Позднее, уже в окончательном тексте, еще более углублен смысл, который вкладывала Наташа в слова «Міромъ госпуду помолимся»: «Міромъ — все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью».

Особенного внимания заслуживает следующий пример: в ранней редакции, в главе о деятельности князя Андрея в Петербурге, Толстой рассказывает, как преобразования Сперанского увлекли даже князя Андрея, жившего «долго в деревне», видевшего «и войну и миръ в самой действительности». Не говоря уже о самом написании этого слова, здесь бесспорно в него вложено понятие «народ», жизнь народа, которую князь Андрей, «живший долго в деревне», видел «в самой действительности». В приведенном последнем примере особенно важно, что даже в сочетании слов: «война и миръ» «мир» никак не означает противопоставления войне, это не имело бы смысла в данном контексте, поскольку имелась в виду мирная жизнь, о чем свидетельствует упоминание о жизни князя Андрея именно в деревне, тем более, что в деревне он жил и во время второй войны с Францией.

Наконец, еще один существенный пример — в главе о богучаровском бунте. «Взглянув на Дрона, он (Алпатыч.— Э. З.) тотчас понял, что ответы Дрона не были выражением мысли Дрона, но выражением того общего настроения богучаровского мира, которым староста уже был захвачен». Текст этот вписан в корректуру. Следует отметить также поговорку, выписанную из сборника поговорок В. И. Даля, — «Мир жнет, а рать кормит» (т. 13, с. 45).

Вряд ли можно всё это объяснить особенностью написания Толстым этого слова или случайностью. В автографах «Войны и мира» множество раз встречающееся слово «мир» — в смысле противопоставления войне — и написано через «и», а в тех случаях, когда в это слово вкладывалось понятие: весь свет, весь народ, оно вписано, как требовалось по орфографии того времени, через *i*.

Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий», который Толстой особо выделял из других изучаемых им исторических книг, словом «мир» назвал однажды свой партизанский отряд: «...я создал мир и объявил ему о мнимом прибытии большого числа наших войск». Отряд Денисова состоял не только из крестьян, в него входили разные сословия. Денисов пишет: «С нами пошли: отставной мичман Николай Храповицкий, титулярный советник Татаринов, шестидесятилетний старец и землемер Макаревич; прочие помещики остались дома, довольствуясь ношением охотничьих кафтанов, препоясанные саблями и с пистолетами за поясом»⁵⁰. Таков был «мир» Денисова в романе.

В «Походных записках» И. Радожицкого, которыми Толстой чрезвычайно широко пользовался, изображая войну 1812 года, также употребле-

Счет
Его Святельству
Графу Льву Николаевичу
Толстому.

		копейки	руб.	
1863 года Августа 15.	1. 3 экз. Московский водопровод 1803 г.	5.	—	
	1. — Записки Сергея Тимурки.	5.	—	
	1. — Записки Шумиловой	1.	50.	
	1. — Записки Артиллерийского 4 м.	4.	—	
	1. — Сочинения Карамзина 3 м.	3.	—	
		14.	50.	
Получено 10 рублей Взятыми остаются 4 р. 50 к.				
Вновь взято:				
1863 г. Ноября 24.	1. Словарь Поэтического языка Гаммель-Копенбургского 3 части.	5.	—	
	1. Записки Сводоотделной Комиссии в М. В.	5.	—	
	1. — — — — — Москва Варшавская	1.	—	
	1. Вспомогательный журнал	2.	—	
	1. История Консерваторки М. В. 7 м.	3.	—	
	1. История 1812 г. Михайловского 3 г.	4.	—	
	1. — — — — — 1813 г. В родне.	2.	50.	
	1. — — — — — 1814 г. В родне.	2.	50.	
	1. — — — — — 1805 г. В родне в издательстве	2.	50.	
	1. Дельбрюкские романы.	2.	—	
	1864 г. Мая 19.	1. Вспомогательный журнал 1803 г.	2.	50.
		1. — — — — — Москва 1804 г.	2.	50.
1. Таблицы Давида части 1 и 2		2.	50.	
1. Записки Студента		1.	25.	
1864 г. Мая 9.	9. Получено трехгелевова среб. 2 р.	40.	75.	
	Взятими остаются.	20.	75.	

СЧЕТ КНИЖНОГО МАГАЗИНА В МОСКВЕ НА КНИГИ, КУПЛЕННЫЕ ТОЛСТЫМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ РАБОТЫ НАД «ВОЙНОЙ И МИРОМ»

«Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг» (т. 16, с. 13)

«...Художество требует еще гораздо больше точности, precision (точности), чем наука» (т. 78, с. 156—157)

ОПИСАНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

ВЪ 1812 ГОДУ,

ПО

ВЫСОЧАЙШЕМУ

ПОВЕЛЕНІЮ

СОЧИНЕННОЕ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ

Михайловскимъ-Данилевскимъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи.

1839.

ПОХОДНЫЯ
ЗАПИСКИ

РУССКАГО ОФИЦЕРА,

ИЗДАНЫЯ

И. Лажечниковымъ.

.... и въ сей книгѣ промѣляе шажке добротства
и довѣрія, достойныя похвалы потомства
К. Талцтъ, Лип. Кн. III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.
1836.

А. И. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ.
ОПИСАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В 1812 ГОДУ...
Тт. 1—4. СПб., 1839
Титульный лист первого тома

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ.
ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ
РУССКОГО ОФИЦЕРА.
М., 1836
Титульный лист

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ
АртиллериСТА,

СЪ 1812 ПО 1816 ГОДЪ.

Артиллеріи ПОДПОЛКОВНИКА

И..... Р.....

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВИХЪ
ИСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.
1835.

И. Р (АДОЖИЦКИЙ).
ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ АРТИЛЛЕРИСТА,
С 1812 ПО 1816 ГОД...
Тт. 1—4. М., 1835
Титульный лист первого тома

РОСЛАВЛЕВЪ,

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА I.

2-го числа Сентября, часу въ восьмомъ утра, Сборской, сядая въ тележку, запряженную двумя плохими извощичьими лошадами, пожалъ въ послѣдній разъ руку своего товарища. « Прощай, мой другъ ! » сказалъ онъ. « Боюсь, что мнѣ не удастся полечиться въ Калугѣ. Пожалуй, эти Французы и оттуда меня выживутъ. »

— « Но точно ли правда, что они такъ близко отъ Москвы ? » спросилъ Зарѣцкой.

М. Н. ЗАГОСКИН.
РОСЛАВЛЕВ, ИЛИ РУССКІЕ
В 1812 ГОДУ. ИЗД. 3-Е. М., 1851
Титульный лист

КНИГИ, ПОСЛУЖИВШИЕ ТОЛСТОМУ ОСНОВНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ
ДЛЯ «ВОЙНЫ И МИРА»

ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

ИЗДАНИЕ

Н. П. Ермолова

ЧАСТЬ I

1801 — 1812 г.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Нагоръ в К°),
на Стратонскъ владѣльцѣ.
1865.

СОЧИНЕНІЯ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА

ДАВЫДОВА.

Изданіе четвертое, исправленное и дополненное по руко-
писямъ автора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ типографіи Балашева.
1860.

ЗАПИСКИ

АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

М., 1865

Титульный лист

СОЧИНЕНІЯ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

ИЗД. 4-Е. М., 1860

Титульный лист

ЗАПИСКИ

СОВРЕМЕННОКА

СЪ 1805 ПО 1819 ГОДЪ

Часть I

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1859

СОЧИНЕНІЯ

РАСТОПЧИНА

(ГРАФА БЕОДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА).

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.
1855.

С. П. ЖИХАРЕВ.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОКА
С 1805 ПО 1819 ГОД. ЧАСТЬ I.
ДНЕВНИК СТУДЕНТА. СПБ., 1859

Титульный лист

Ф. В. РАСТОПЧИН.

СОЧИНЕНІЯ. СПБ., 1853

Титульный лист

**КНИГИ, ПОСЛУЖИВШИЕ ТОЛСТОМУ ОСНОВНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ
ДЛЯ «ВОЙНЫ И МИРА»**

М. П. ПОГОДИН

Литография с фотографии Г. Бергнера, 1860 г.

тельные читатели остались в недоумении и желали бы спросить: «почему же этот роман называется „Война и мир“?.. В продолжение всех шести томов автор описывает нам непрерывную войну, ну, а мир-то когда же будет?.. И точно, о мире почти ничего не говорится»⁵². При жизни Толстого роман печатался под заглавием «Война и мир». Как произошла замена слова, получившего совершенно иное значение, по сохранившимся документам установить невозможно. В посмертных изданиях лишь однажды, в 1913 г., П. И. Бирюков, друг и биограф Толстого, издал роман под заглавием «Война и мир»⁵³.

Не в идейном содержании заключается отличие ранней редакции от опубликованного романа. С самого начала работы Толстой ставил своей задачей писать «историю народа». «Художественное произведение требует строгой художественной обработки», — писал Толстой позднее. «Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло», только тогда оно «пройдет через равнодушие и повторением возьмет свое» (т. 63, с. 424 и т. 51, с. 13). Таковы принципы Толстого. И как всегда у Толстого, каждая, даже, казалось бы, небольшая, стилистическая правка заостряла мысль. На художественное заострение вчерне законченного произведения и были направлены творческие усилия автора в третий — последний — период работы, когда «Война и мир» готовилась к печати отдельным изданием. Путь от рукописи к окончательному тексту продолжался три года.

С первых же дней работы, еще в период поисков начала, Толстой стал собирать и изучать исторические материалы. Книги, которые служили основными источниками в течение всех семи лет создания «Войны и мира», писатель приобрел в книжном магазине в Москве 15 августа 1863 г.

Это шесть томов сочинений А. И. Михайловского-Данилевского о войнах 1805, 1812, 1813 и 1814 гг., «Записки о 1812 году» Сергея Глинки (СПб., 1836), «Краткие записки адмирала А. Шишкова...» (СПб., 1832), четыре тома «Походных записок артиллерии подполковника И. Радожиц-

но слово «мир» в отношении партизанских отрядов⁵¹. Эти исторические сочинения, хорошо изученные Толстым, могли подсказать ему название романа, в котором он стремился показать роль народа, разных пластов его в Отечественной войне 1812 года.

Название «Война и мир», то есть «война и народ», больше соответствует основной идее романа, так как задачей Толстого было показать великую роль народа в освободительной войне, а вовсе не сопоставить военную и мирную жизнь. Из 17 частей романа только в трех (т. II, ч. 3—5) события происходят в период между двумя войнами: между войной 1806—1807 гг. и Отечественной войной.

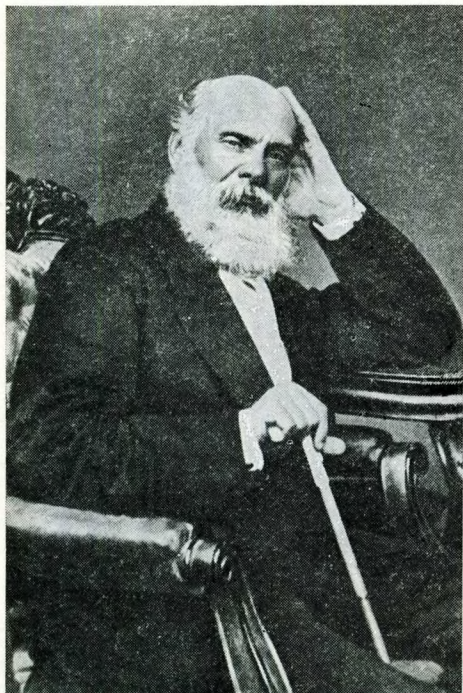
Любопытна заметка, появившаяся тотчас после выхода последнего — шестого — тома первого издания: «Наконец, знаменитый роман „Война и мир“ окончен <...>

Но, вероятно, некоторые любозна-

- † Воспоминания о судьбе и предвечии французской в Москве в 1812 году. из виданья пофара Москвы. ч. 1 р. 75 к.
- † Директория Батиски 1743 — 1812 г. 2 р. 25 к.
- † Кнись Воспоминаний о предвечии ^{искрилте} ~~искрилте~~ в Москве в 1812 г. ч. 1 р. с.
- † Р. Шавель, Лавская (у нас есть).
- † Батиски Собрания с 1805—1819 г. ч. 1 р. 25 к.
- † Зотова } Два брата или Москва в 1812 г.
 { Два сестры или Савельев в 1812 г. 2 р. с.
- † Александр. Освобождение Москвы в 1812 г. ч. 1 р. с.
- † Бутурлики. История ^{наместии} ~~наместии~~ Москвы в 1812 г. ч. 1 р. 50 к.
- † Гетера Канонска в России в 1812 г.
- † Миллер. Александр I и его эпоха. ч. 1 р. с.
- † Фридрих в 1812, 13, 14 и 15 г. ч. 45 р. с.
- † Миллер. 1) Как война и не война был принята война Канонска в колонию. 2) Русские или французские сафры в Москве? ч. 2 р. с.
- † Анекдоты, притки и анекдоты и слова сражен Миллерова. ч. 50 к.
- † Кнись. Письма о великой войне Бородинской. ч. 1 р. 50 к.

СПИСОК КНИГ О 1812 ГОДЕ, ПРИСЛАНЫЙ ТОЛСТОМУ Е. А. БЕРС ПРИ ПИСЬМЕ ОТ 14—15 СЕНТЯБРЯ 1863 Г.

кого» (М., 1835), семь томов «Истории консульства и империи» Тьера, три тома «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Бантыш-Каменского (СПб., 1847). Почти все эти книги сохранились в Яснополянской библиотеке. Кроме того, в переписке Толстого первых лет работы над романом упомянуты «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». В «Чтениях» за 1863 и 1864 г. было опубликовано много материалов об Отечественной войне. Читал Толстой тогда и «Походные записки русского офицера», изданные И. Лажечниковым (М., 1836), и книгу П. И. Шаликова «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» (М., 1813). Из дневника М. П. Погодина известно, что 15 декабря 1863 г. Толстой приходил к нему «за материалами о 1812 году».

А. Е. БЕРС

Фотография. Москва, 1860-е годы

Для художественного произведения недостаточно было только исторических сочинений. Необходимы были и такие книги, которые помогли бы воображению писателя проникнуть в жизнь людей того времени. Такими источниками являлись мемуары и письма участников и свидетелей наполеоновских войн. Нужны были и художественные произведения, отражающие ту эпоху. «Рославль» Загоскина и «Леонид» Зотова Толстой читал «с наслаждением, которого никто, кроме автора, понять не может» (т. 83, с. 59–60). Журналы той далекой эпохи также предоставляли художнику-историку ценные данные.

Родные Толстого А. Е. и Е. А. Берс разыскивали по его поручению и источники другого рода — архивные документы, устные свидетельства частных лиц. Известно, как широко воспользовался Толстой письмами фрейлины императрицы Марии Федоровны М. А. Волковой к В. И. Ланской⁵⁴, подлинники которых прислал ему А. Е. Берс.

Задачей писателя было отобрать из огромного и разнородного материала те события, те факты, те красочные детали, которые помогли бы с наибольшей достоверностью представить историю России начала XIX в., воссоздать жизнь людей того времени, их быт и нравы, мысли и чувства.

Многочисленны пометы на полях и ранних рукописей и позднейших, ссылки на исторические сочинения, точные указания переписчикам книги и страницы, с которых надо вписать выбранный текст, документ, пометы на книгах, сохранившихся в Яснополянской библиотеке, конспективные наброски, сделанные при чтении материалов... Толстой разыскивал и использовал архивные материалы, анализировал планы и карты сражений, изучал местность, где происходили битвы, рассматривал портреты исторических лиц, знакомился по литературе с костюмами, манерами и привычками людей той поры. Писателю важно было не только возможно подробнее узнать о событиях, но осмыслить их, овладеть ключом к характеру каждого из их участников. Так и видишь, как при работе над «Войной и миром» (как и позднее над незавершенным романом из времен Петра) Толстой сидел «обложенный кучей книг, портретов, картин и нахмуренный», «читал, делал отметки, записывал, был погружен в жизнь прошлого»⁵⁵.

Из этих богатейших россыпей материала писатель не только выбирал запас фактов; при чтении возникали замыслы: где, как и для чего может понадобиться в его произведении данный факт, через кого из «полувымышленных» персонажей можно включить отобранный факт, характерную деталь так, чтобы каждый эпизод сливался с сюжетом произведения и служил его основной идее. В конспектах отражены картины, возникшие в воображении художника, и «теории философии», рождавшиеся в уме писателя-историка при чтении первоисточников. «Много у нас писателей есть тяжелых сторон труда, но зато есть эта, верно вам неизвестная volupté⁵⁶ мысли — читать что-нибудь, понимать одной стороной ума.

Николаев. Знаешь ли ты
 и увлечен, что вырывается
 за своим тематом. Скоро и
~~пройдет~~ Стасюшич в своем
 счастливейшем состоянии, когда и восток
 обильно, а восток же восток
 лото ильма бодуно и по лому
 Стасюшич ильма ильма думает
 превозмочь. — И так же скоро
 Сидорин, а отсюда восток ильма
 же по лому ильма ильма ильма

В проходе ильма восток ильма
 Ковен, Комофев ота ильма
 от 1812 и 1813 года; тогда ильма
 над на 1814 года. Гляди на
 терпеливо. Об Алексее Стасюшич, она
 повороты в восток ильма о ильма,
 Комофев ота ильма от Комофев, а в
 восток ильма по лому ильма. — Тогда восток
 ильма ильма ильма ильма ильма
 ильма, — и так ильма ильма ильма

а другой — думать и в самых общих чертах представлять себе целые поэмы, романы, теории философии», — так писал Толстой в первые годы работы еще над ранней редакцией «Войны и мира» (т. 61, с. 116). Требования достоверности выдержаны начиная с первых набросков во всем — не только в отношении исторических событий, но во всех мелких деталях, воссоздающих характер времени, «звук и запах» эпохи⁵⁷.

Глубокое знание изображаемой эпохи позволило Толстому показать ее правдиво. Период наполеоновских войн писатель видел глазами своего времени. Всё то, что было скрыто для людей 12-го года, стало видимым через 50 лет. Poleмика Толстого с историками⁵⁸, возникшая с первых дней работы, достаточно полно отраженная в ранней редакции, — это принципиальное отстаивание того, что Толстой считал «истиной», которую он «шаг за шагом открывал» в продолжение всех семи лет работы над «Войной и миром».

Публикуемый текст первой завершённой редакции «Войны и мира» основан на систематическом изучении всего рукописного фонда произведения.

Первые две части (в наст. изд. с. 69—263) публикуются по печатному тексту «Русского вестника» (1865, №№ 1—2; 1866, № 2—4) с проверкой по всем предшествующим черновым вариантам (автографам и правленным копиям) и с исправлением ошибок переписчиков.

Дальнейший текст печатается по подлинным рукописям:

1. Рукопись 103 написана в основном под диктовку с последующей авторской переработкой; содержание ее — «от Аустерлица до Тильзита включительно» — соответствует в окончательном тексте т. I, ч. 3 и т. II, ч. 1—2. Печатается второй слой, то есть текст, переработанный после того, как была создана вторая часть — с описанием Шенграбенского сражения (см. наст. изд., с. 182—263).

2. Рукопись 107 — автограф; содержание ее охватывает события 1809—1812 гг. и до окончания произведения (соответствует в окончательном тексте т. II, ч. 3 — до конца). (Номера рукописей даются по «Описанию рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого», выпущенному Издательством АН СССР в 1955 г.)

При переработке Рукописи 103, а также при создании Рукописи 107 Толстой в процессе писания правил текст: 1) отдельных фраз, 2) отдельных больших отрывков, сцен, глав. Во втором случае эти тексты печатаются в специальном разделе — «Варианты»; каждый из них обозначен номером; ссылки на варианты даются под строкой в соответствующем месте основного текста публикации.

При воспроизведении текста толстовских автографов соблюдаются следующие правила:

1. Текст автографов — Рукопись 103 и Рукопись 107 — условно делится на главы в соответствии с приведенным во вступительной статье планом работы Толстого над ранней редакцией романа (см. с. 37 наст. изд.). Толстой в автографе писал просто «следующая глава». Номера глав даются в угловых скобках.

2. Вычеркнутое Толстым, если оно не отменено последующими исправлениями и не разрушает связности текста, вводится в текст в прямых скобках.

3. Пометы Толстого на полях приводятся под строкой и набираются курсивом. В тех случаях, когда в тексте автографа есть смысловая неясность или нарушена связность повествования, под строкой дается, если это можно сделать, основываясь на других документах толстовского архива (письмах писателя, отзывах людей, которым он читал отрывки из ранней редакции, и т. д.), разъяснение с пометой: «прим. составителя». В большинстве же случаев такие места отмечаются сноской: «Так в авто-

графе» — без указания «прим. составителя». Без такого указания даются и ссылки на пометы Толстого на полях, а также на варианты.

4. Переводы текстов на иностранных языках даются в подстрочных сносках. Так как большинство этих текстов — на французском языке, указанием языка (*нем.*, *англ.*, *лат.*) сопровождаются переводы со всех языков, кроме французского.

5. Слова, не дописанные или написанные сокращенно, дополняются: а) без особых знаков и оговорок, если дополнения не вызывают сомнений; б) при отсутствии полной уверенности — в угловых скобках, а в особо сомнительных случаях — с вопросительным знаком внутри скобок. Допускается восстановление в угловых скобках слов, ошибочно пропущенных Толстым, если очевидно, какое слово пропущено; в случае не полной уверенности — внутри скобок после слова ставится вопросительный знак. На месте слов, не поддающихся прочтению, также в угловых скобках, дается помета курсивом: *нрзб* и перед ней курсивом же — число непрочитанных слов: <1 нрзб>, <2 нрзб> и т. д.

6. Имена персонажей, а иногда и названия мест Толстой обозначал в автографе первой буквой: А.— Андрей, Р.— Pierre, Н.— Наташа, Р.— Ростовы, Б.— Болконский, Б.— Борис, М.— Марья, И. А.— Илья Андреев, Н.— Nicolas, Н.— Наполеон, Н.— Hélène, М.— Москва, П. или Пб.— Петербург и т. д. Они дополняются так же, как недописанные слова, в прочтении которых нет ни малейшего сомнения.

7. Слова, подчеркнутые Толстым, воспроизводятся курсивом. В тех случаях, когда он применял для выделения слова, фразы или куска текста разрядку или прописные буквы, сохраняется написание автографа.

8. Текст автографа воспроизводится по современной орфографии, но с сохранением особенностей языка Толстого, передающих неповторимый аромат и времени действия романа, и времени его создания. Например: «два раненые солдата», «три дни», «перилы», «арьергард», «фамилиарный», «противуестественный», «противуположный», «четвероугольный», «танцовать», «здоровываться», «дотрогиваться», «устроить», «успокоивать», «серiously» и т. д. Сохраняется в отдельных случаях и разнописание слов, например: «снурки» и «шнурки», «батальоны», но «батальонный».

9. Пунктуация дается по современным требованиям. Недостающие знаки и интонационные знаки вводятся без оговорок; но сохраняются часто встречающиеся в автографах точка с запятой и тире. Прямая речь и внутренний монолог даются в соответствии с современными правилами (в автографе это, естественно, не соблюдается); так же даются и многоточия Толстого, хотя он в каждом отдельном случае ставил разное число точек.

10. Имена исторических лиц — героев «Войны и мира» — даются, как правило, в современном написании, но с рядом исключений. Так, Наполеон называется у Толстого то Бонапарт, то Бонапарте, то Буонапарте (в зависимости от политической ситуации и соответствующего отношения к нему), то даже Бунапарте (в речи солдат). Это разнописание в публикации сохраняется. То же относится и к таким именам, как Чарторыжский (Чарторижский, Чарторыйский), Пшебышевский (Пршебышевский, Пржебышевский), Долгорукий (Долгоруков) и т. д. В указателе дается современное написание всех этих имен.

Приношу благодарность сотрудникам рукописного отдела Государственного музея Л. Н. Толстого Л. В. Gladковой, Н. А. Калининой, Т. Г. Никифоровой и В. В. Лозбяковой, помогавшим мне при подготовке рукописи к изданию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Литературное наследство», т. 69, кн. 1, 1961, с. 291—396.
- ² Настоящую публикацию полной первой редакции романа в каком-то смысле предваряют мои статьи «История писания и печатания „Войны и мира“» (т. 16, с. 19—145) и монография: «„Война и мир“ Л. Н. Толстого. Создание великой книги» (М., 1966); мною также написана вступительная статья к публикации вариантов начала в указанном томе «Литературного наследства», вследствие чего в настоящей вступительной статье неизбежны некоторые совпадения с названными работами.
- ³ Мне говорил об этом Н. Н. Гусев.
- ⁴ Публикуется с сохранением правописания Толстого-ребенка.
- ⁵ С. А. Толстая. Материалы к биографии Толстого и «Воспоминания Толстого» (т. 34, с. 357).
- ⁶ «Литературное наследство», т. 69, кн. 1, с. 382.
- ⁷ См.: Э. Е. Зайденшнур. «„Война и мир“ Л. Н. Толстого. Создание великой книги», с. 7—9.
- ⁸ Последняя запись, возможно, относится к Анне Михайловне Друбецкой, образ которой вырисовывался в процессе создания вариантов начала. Здесь и далее черновые рукописи цитируются по автографу. Многие отрывки из них опубликованы в т. 13, с. 198—258, но с некоторыми неточностями, а главное — в этой публикации объединены отрывки из разных рукописей.
- ⁹ Я видел Новосильцева.
- ¹⁰ восклицают
- ¹¹ дурно воспитанный
- ¹² когда я показал им путь славы, они не хотели. Я открыл им мои передние — они бросились толпой
- ¹³ В Москве действие начинается в день имени Натальи, то есть 26 августа (см.: «Литературное наследство», т. 69, кн. 1, с. 336—345).
- ¹⁴ В сохранившихся рукописях заглавий нет. Видимо, они появились либо в наборной рукописи, либо в корректурах «Русского вестника». Ни наборная рукопись, ни корректуры не сохранились.
- ¹⁵ Седьмой вариант начала — см.: «Литературное наследство», т. 69, кн. 1, с. 346—355.
- ¹⁶ увеселительную прогулку
- ¹⁷ С. А. Толстая имеет в виду старого князя Болконского, каким он изображен в варианте начала, озаглавленном «Три поры» (см.: «Литературное наследство», т. 69, кн. 1, с. 325—331).
- ¹⁸ Письмо С. А. Толстой от 25 ноября 1864 г. — В кн.: С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому 1862—1910 гг. М.—Л., 1936, с. 31.
- ¹⁹ Там же, с. 32.
- ²⁰ В комментарии к письму Толстого жене от 29 ноября 1864 г. ошибочно указано, что 27 ноября «передано было Толстым в „Русский вестник“ тридцать восемь глав, составлявших десять печатных листов», то есть вся первая часть (т. 83, с. 65, прим. 7). Фактически могли быть сданы только тридцать две главы, заканчивающиеся описанием смерти графа Безухова и напечатанные в январской и февральской книжке «Русского вестника» за 1865 г. с подзаголовками «В Петербурге» и «В Москве». Присланную же С. А. Толстой копию окончания первой части Толстой правил лишь 1 декабря (см. т. 83, с. 69).
- ²¹ Письма Толстого жене от 29 ноября, 1, 2, 4 и 6 декабря (т. 83) написаны рукой Т. А. Берс под диктовку, только в письмах от 2, 4 и 6 декабря по несколько строк написано нетвердой рукой Толстого.
- ²² Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., Изд-во АН СССР, 1957, с. 717.
- ²³ Верхний правый угол листа оторван и окончание слова утрачено.
- ²⁴ 9 написано по цифре 12.
- ²⁵ Конспект, а также все отдельные конспективные записи опубликованы в т. 13, с. 25—26.
- ²⁶ Л. Пастернак. Четыре отрывка из моей автобиографии. — В кн.: М. Оборн. Леонид Пастернак. Варшава, 1932, с. 72—78.
- ²⁷ Несмотря на просьбу Толстого, в объявлениях о публикации «Тысяча восьмьсот пятый год» назывался романом. Нередко сам Толстой в письмах и дневниковых записях 60-х годов называл свое произведение романом.
- ²⁸ Что имел в виду Толстой в сокращении: «ор. черн» определить с уверенностью трудно. Имеются предположения, что «черн» значит черн(овым), а «ор.» раскрывается как латинское *opus*. Однако это слово в рукописях Толстого никогда не встречается.
- ²⁹ Подлинник письма не сохранился. В копии, по которой оно опубликовано, вероятно, перед «и Аустерлицкого сражения» одно слово было не разобрано и для него оставлено место. При публикации редактором на оставленном месте вписано: «Шенграбенское» (т. 61, с. 66). Но описания Шенграбенского сражения еще не было, и на этом этапе работы Толстой считал второй частью текст «от Аустерлица до Тильзита», то есть то, что составило потом третью часть. В цитируемом письме Толстой отметил, что вторая часть будет такого же размера, как и первая. Это подтверждают рукопи-

си: первая часть — 8½ печатных листов, а считавшаяся тогда второй — 7½. Можно предположить, что пропущено было: «Вишауское».

³⁰ Черновые варианты указанных сцен опубликованы в т. 13, с. 397—405, №№ 40—44.

³¹ Об этом см. также статью Е. В. Тарле в журнале «Вопросы истории» (1952, № 11).

³² набросок, заканчивающийся словами: «...из ворот деревни вышли и приближались к ним чиновник немец и гусарский юнкер», написан рукой В. В. Нагорновой, очевидно, под диктовку. Весь он зачеркнут, а оставшаяся незаполненная часть листа была позднее использована для продолжения текста другой рукописи. В т. 15, с. 293, опубликован этот набросок (первые два абзаца) и ошибочно — как непосредственное продолжение — дальнейший текст — автограф, относящийся к другой рукописи.

³³ С. А. Толстая. Дневники. т. 1. М., «Художественная литература», 1978, с. 75.

³⁴ Письма С. А. Толстой от 29 и 31 июля 1865 г. — В кн.: С. А. Толстая. Дневники, т. 1, с. 59 и 63.

³⁵ Такие записи, может быть, тогда же были повторены на полях черновой редакции новой второй части.

³⁶ В черновых отрывках второй части, опубликованных в т. 13, встречаются имена: Ачаньев, Брыков; затем Ачаньев был переименован в Тушина, а Брыков в Тимохина.

³⁷ См.: М. А. Цявловский. Как писался и печатался роман «Война и мир». — В кн.: «Толстой и о Толстом». Сб. 3. М., 1927, с. 145; Б. М. Эйхенбаум. Лев Толстой. Книга вторая. Шестидесятые годы. Л.—М., 1931, с. 274; Юбилейное издание, т. 48, с. 480—481; т. 61, с. 112; Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год, с. 723.

³⁸ На этом запись обрывается. Опубликовано в т. 13, с. 37, № 20.

³⁹ В первом и втором отдельных изданиях, вышедших в 1868 и 1869 г. в шести томах, описания Шенграбенского и Аустерлицкого сражений объединены во втором томе, разделенном на часть I и часть II.

⁴⁰ Текст, соответствующий в завершеном романе первым тринадцати главам третьей части первого тома.

⁴¹ Искусство вечно, жизнь коротка (*лат.*).

⁴² См.: Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1958, с. 395; Д. Д. Оболенский. Отрывки из личных впечатлений. — В кн.: «О Толстом. Международный Толстовский альманах». М., «Книга», 1909, с. 243.

⁴³ Ср. «Воспоминания Толстого». — Юбилейное издание, т. 54, с. 360—361.

⁴⁴ Светская дама, светский человек.

⁴⁵ См. заметку В. Прокопенко и А. Шнейдер «История басни» («Вечерняя Москва», 1962, № 170 от 21 июля).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ В 1866 г. обе части под тем же названием вышли отдельным изданием. Цензурное разрешение первой — 11 июня 1866 г., второй — 12 марта 1866 г.

⁴⁸ Т. Л. Сухотина-Толстая. Дневник. М., «Современник», 1979, с. 282 (запись от 3 февраля 1894 г.).

⁴⁹ См.: Н. Н. Апостолов. Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого. — «Печать и революция», 1924, кн. 4, с. 95; Б. М. Эйхенбаум. Лев Толстой. Шестидесятые годы. Л., 1931, ч. 4; Я. Билинский. О творчестве Толстого. Л., 1959, с. 225, 226; В. В. Ермилов. Толстой-художник и роман «Война и мир». М., 1961, с. 15 и сл.; Н. Н. Арденс. Творческий путь Л. Н. Толстого. М., 1962, с. 152, 246—253. Письмо к Н. Н. Страхову от 25 ноября 1870 г. — Юбилейное издание, т. 61, с. 242.

⁵⁰ Сочинения Дениса Васильевича Давыдова, т. 1. Изд. 4. М., 1860, с. 81.

⁵¹ См.: И. Раджицкий. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год, т. 1. М., 1835.

⁵² «Шестой том романа „Война и мир“, сочинение Л. Н. Толстого». — «Петербургская газета», 1870, № 2.

⁵³ Л. Н. Толстой. Война и мир. М., 1913.

⁵⁴ Письма М. А. Волковой и В. И. Ланской частично напечатаны в декабрьской книжке «Русского архива» за 1879 г., полностью — в «Вестнике Европы» (1874, №№ 8—12) под названием: «Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской».

⁵⁵ См. письмо С. А. Толстой брату С. А. Берсу от 19 ноября 1872 г. — В кн.: С. А. Берс. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Смоленск, 1894, с. 45.

⁵⁶ наслаждение

⁵⁷ О принципах использования Толстым исторических источников в «Войне и мире» см. главу «История глазами художника» в моей монографии «„Война и мир“ Л. Н. Толстого. Создание великой книги», с. 328—372.

⁵⁸ Так, например, Тьер писал: «Я полагаю, что мне удалось открыть и выразить истину, не условную, какую часто создают сами себе современные поколения и передают следующим поколениям как истину подлинную, но истину самих событий, которая отыскивается только в государственных документах и особенно в переписке могущественных особ» (цитируется по русскому переводу, опубликованному в «Живописной библиотеке»). Толстой же считал, что историки не видят следов, «не выра-

жившихся в мишурном величии, в книге, в важном звании, в памятнике», и намеревался писать историю не государственных деятелей, а «людей, не имевших тех недостатков, которые нужны для того, чтобы оставить следы на страницах летописей» (т. 61, с. 116), то есть его задачей было писать «историю человеков», а потому он не мог руководствоваться только официальными документами.

Толстой писал: «...разногласие мое в описании исторических событий с рассказом историков (...) не случайное, а неизбежное. Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различных предмета. Как историк будет неправ, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни и тем невольно упуская и заслоняя главную свою задачу — указать на участие лица в историческом событии, так художник не исполнит своего дела, понимая лицо так, как историк, представляя его всегда в его значении историческом» (т. 13, с. 57).